

Российская Академия Наук
Институт философии

В. М. Семенов

**ВЛАСТЬ В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ**

Москва
2006

УДК 300.35
ББК 15.51
С 30

В авторской редакции

Рецензенты

доктор полит. наук *Т.Х.Бербекова*

доктор филос. наук *В.С.Семенов*

С 30 **Семенов В.М.** Власть в этноисторическом пространстве России. — М., 2006. — 117 с.

В центре внимания автора — анализ специфики властно-подвластных взаимоотношений субъектов власти и объекта управления в рамках единой этносоциальной системы (общности), выявление роли и значимости геоландшафтных, этнокультурных и этнопсихологических факторов в становлении и воспроизводстве особого характера режимов власти в историческом генезисе России. В книге рассмотрено своеобразие одной из самых драматических этноисторических фаз — фазы этнического надлома, — в развитии российского (советского) суперэтноса в XX в.

Книга рассчитана на внимание читателя, интересующегося проблемами этнологии, истории и социальной философии.

ISBN 5-9540-0067-0

© Семенов В.М., 2006

© ИФ РАН, 2006

ВСТУПЛЕНИЕ

«Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же»

Иван IV Грозный

«Государь есть первый слуга государства»

Фридрих II Прусский

Вопрос о власти — один из ключевых для понимания сути и характера современных общественных процессов в России, их противоречивой динамики, постоянно колеблющейся от драматической до стабилизационной симптоматики и раскрывающей причины меняющихся приоритетов в социально-экономическом и политическом развитии страны. Реализуемые в жизненные практики интеллектуальный и культурно-нравственный потенциал властвующей элиты способен привести массовое сознание или к глубоким разочарованиям, как это произошло в российском обществе в последнее десятилетие XX столетия, или отозваться позитивными ожиданиями большей части населения в условиях изменившегося режима власти.

Власть всегда была объектом самого пристального внимания со стороны тех или иных личностей и социальных групп, пытающихся «обуздать» законы общественного развития, вмонтировать в механизмы их действия собственные волевые потенции. На протяжении

тысячелетий атрибутика власти вызывала вожделенную страсть у самых разных людей, психической доминантой которых была жажда лидерства¹. Известный югославский философ и политик М.Джилас, сам побывавший на высших ступенях партийно-государственной власти, назвал ее «наслаждением из наслаждений»².

История любого государства и народа может рассматриваться сквозь призму непрерывной борьбы за лидерство, за возможность и право (нередко при отсутствии необходимых способностей) навязывать и осуществлять свою волю не только в масштабах всего социума, государства, нации, этнической общности, но и в городских и сельских коллективах, в социальных группах, семье и т.д. Привлекательность власти определяется не только желанием повелевать и командовать другими людьми, но и правом распоряжаться материальными и финансовыми ресурсами, природными и общественными богатствами, возможностью навязывать собственные рецепты благоустройства жизни и удовлетворения разнообразных интересов, потребностей и запросов, находящихся в пространстве власти индивидов.

Власть репрезентируется прежде всего как способность конкретного субъекта (лидера), определенной группы или структуры навязывать свою волю всеми доступными (захваченными, приобретенными) средствами, принуждать или убеждать в необходимости осуществления этой воли на практике для достижения ближайших (тактических) или отдаленных (стратегических) целей. М.Вебер определял власть как «возможность для одного деятеля в данных социальных условиях проводить собственную волю даже вопреки сопротивлению»³. Но власть не идентична только насилию, она «...прост-

раннее, в нее входит больше пространства и больше времени»⁴. Воздействие и решающее влияние на деятельность и поведение людей власть проявляет не только методами принуждения, но использует и свой личный авторитет, харизму вождя, комплекс правовых механизмов, различные технологии воспитания, убеждения и т.д.⁵.

В качестве основных аспектов власти в современной политологии выделяются следующие: а) *директивный*, в которой власть выражает себя в наиболее концентрированной форме в отношениях господства и подчинения, в умении добиваться выполнения своего давления с помощью различных ресурсов и средств, демонстрируя необходимую силу и мощь; б) *функциональный*, т.е. способность власти осознавать, понимать общественные процессы и управлять ими, публично заявлять и обосновывать свои претензии на управленческие полномочия, перманентно артикулировать реальность существования отношений между собой и объектом власти; в) *коммуникативный* аспект подтверждает возможность власти реализовывать свои полномочия через непрерывное воспроизведение различных форм общения с подвластными структурами, используя устоявшийся язык взаимодействия, понятного обеим сторонам властных отношений⁶. В совокупности этих признаков власть демонстрирует свою компетентность, создавая условия для стабильного развития общества (общности).

Очевидно, что феномен власти не может быть предметом монопольного анализа какой-либо одной научной дисциплины (политологии, истории, психологии и др.) или ограничиваемым утвердившихся дуальных оппозиций «Власть и общество», «Власть и народ»,

«Власть и интеллигенция», «Власть и церковь» и т.д. Изучение проблем власти и любого другого как бы отделенного от нее объекта управления (подчинения) или субъекта действия только в контрарной проекции, когда «власть и подвластные» испытывают взаимоотчуждение и неудовлетворенность друг другом, будет аналитически-ограниченным, если не выяснять причин реального существования в их взаимоотношениях вектора стабильности и психоэмоционального единства. Достаточно напомнить о десятилетиями длившейся всенародной любви к Сталину при его жизни и воскрешении позитивных чувств к этой фигуре в последние годы у значительной части населения; не меньших симпатий удостаивались в первые годы своего правления все советские лидеры: Хрущев, Брежнев, Андропов, Горбачев и постсоветские — Ельцин и Путин; стабильно-высокий рейтинг весь период президентства последнего окружен ореолом загадочности.

Выясняя причины этого явления, отметим, что многоаспектная проблема «Власть и народ» манифестирует своеобразный ракурс анализа, если понятие «народ» рассматривать не в совокупности его социально-политических, социологических и духовно-нравственных признаков («народ — главная производительная сила общества»), а изучать сквозь призму этнологического интереса. В этом случае в сформировавшемся устойчивом объединении людей на передний план выступают такие признаки, как ландшафтно-территориальная генетика, культурно-психологическая ментальность, повышенно-эмоциональная роль общностного и индивидуального самосознания, в своей совокупности презентующих понятие «этнос»⁷. На мой взгляд, дихотомия «власть-народ» не идентична связке «власть-

этнос», несмотря на смысловую близость понятий «народ» и «этнос»⁸, их взаимозаменяемость как в собственно этнологической, так и в исторической, политологической, социально-философской, публицистической литературе.

Необходимо «почувствовать разницу» в таких смысловых связках, как «русский (чувашский, французский и т.д.) народ», «русский этнос», «русская нация». Любая крупная общность людей, обладающая собственной государственностью и всеми причитающимися ей символами и принципами, может рассматриваться в категориях «нации» или «народа» или «этноса» — все зависит от акцентации внимания к тем или иным признакам, влияющим на их жизнедеятельность факторам и проявляющегося исследовательского интереса.

Философско-этнологический анализ феномена власти раскрывает, как мне представляется, не только ряд важных особенностей в объекте исследования, внимание к которым позволяет в реминисценции прошлого адекватнее оценить исторические события, мотивацию и механизмы деятельности ушедших поколений, но и более системно воспроизвести в теоретическом сознании современные общественные процессы и попытаться предугадать перспективы их развития.

1. ВЛАСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

«Изменить характер системы – значит наткнуться на ожесточенное сопротивление тех, кто добрался до власти благодаря... ушербности».

В.Тендряков

«Всякая власть исходит от народа. И никогда уже к нему не возвращается».

Г.Лауб

Этнос, как и любой другой социальный организм, есть совокупность специфически взаимосвязанных, структурно-иерархически расположенных различных элементов, функционирующих в рамках (границах) определенной целостности. В качестве самодостаточной, самоорганизующейся системы этнос, пока он в историческом генезисе не приблизился к завершающей фазе своего многовекового жизненного цикла, типологически относится преимущественно к замкнутым и одновременно корпускулярным (дискретным) по форме организации межэлементного взаимодействия социальным (по терминологии Л.Гумилева – геосоциальным) образованиям⁹. Как система замкнутого типа этнос целенаправленно оберегает себя от разрушительного внешнего воздействия, препятствует иноэтнической экспансии на собственные субструктуры (культуру, семейно-брачные отношения, хозяйственный уклад). Вместе с тем этнос-дискретная система, воспринимающая культурную диффузию, «разре-

шающая» межэтнические браки и заимствующая извне технические и технологические достижения. Одними из важнейших признаков этноса являются обладание собственным этнонимом («я – русский, татарин, еврей, немец, поляк» и т.д.) и противопоставление себя другим этническим объединениям по принципу «мы – они», «свои – чужие», причем не только на уровне осознанного восприятия неадекватности привычным для себя культурным, поведенческим актам иноэтнических объединений, но прежде всего – в сфере подсознания, ощущаемым симпатий или антипатий к представителям иных социокультурных особенностей. Эти этнические чувства предоставляют тем или иным лидерам и вождям в «нужное» время необходимый ресурс для мобилизации массового сознания в «нужном» направлении.

К специфике этнической системы в литературе относят: взаимопереплетение в этой целостности большей или меньшей массы индивидов с различными вкусами и способностями, языком общения, психологическими установками и продуктами деятельности; многообразные традиции, географическая среда и территория, на которой люди создают и воспроизводят и себя, и свою культуру; степень пассионарности (внутренней энергии) индивидов, т.е. их способность к сверхнапряжению и жертвенности; выделение себя из иноэтнического окружения. Развитие этноса подчиняется общим закономерностям социально-организованных систем, ключевую роль в которых играют функционально-действующие структуры: лидер со своим аппаратом власти, органы управления, этнократия в целом. Представляя из себя систему дискретного типа, этнос для поддержания себя «...устанавливает выработанные или заимствованные институты, являющиеся

по отношению к этносу вспомогательными жесткими системами»¹⁰ — от власти старейшин в роде до государства у национального объединения, в котором сосуществуют различные этнические коллективы, — и выступающие (органы управления) по своей сути социально-политическими образованиями.

Для российской действительности эффективность объединения дискретной системы (этноса) с жесткой (властвующими органами) в значительной степени зависит от некоторых социально- и психологически-значимых феноменов, структурирующих, если пользоваться терминологией декабриста П.Пестеля, «повелевающих и повинующихся»¹¹ в единую этническую целостность.

К числу наиболее важных и характеристических черт субъектов власти в России относится их идентичность культурно-историческому и психологическому своеобразию подвластного, управляемого ими населения, наличие внутренней взаимной связи между этими, как бы противостоящими друг другу, компонентами социального организма, по совокупности этнокультурной и этнопсихологической тождественности. Этническая идентичность в узком смысле слова означает (на уровне массового, обыденного сознания) сходную национальность у носителей властных полномочий, главным образом у «верховного» субъекта власти, и большинства российского населения. Для России, несмотря на ее исторически сложившуюся полиэтническую структуру, даже в современных условиях, когда и в Конституции РФ, и в официальных документах, выступлениях и пр. провозглашается невозможность дискриминации граждан по национальному признаку, в том числе и в представительстве во властных структурах, упразднена графа «национальность» в паспорте

и т.д., эта проблема продолжает сохранять свою актуальность; более того, в последние годы она стала обостряться. О значимости этнической «совместимости» управляющего и управляемых напоминают выборы президента (синтезирующего в себе все функционально содержательные полномочия властных прерогатив в России) в 1996 г., когда известные наши соотечественники – писатель В.Астафьев и кинорежиссер Н. Михалков (и не только они) – агитировали российский народ за кандидатуру Б.Ельцина, подчеркивая в нем черты «настоящего русского мужика – со всеми его достоинствами и недостатками»¹². Этническая составляющая отчетливо проявила себя на парламентских выборах в декабре 2003 г.: в Государственную Думу пришли партии, открыто манифестирующие лозунг «Мы за бедных, мы за русских!»¹³.

Президентские выборы и 2000-го, и 2004 гг., как и все последующие события, также продемонстрировали, что не последнюю роль в поддержании стабильного эмоционально-позитивного отношения к носителю верховной государственной власти у большей части населения Российской Федерации (которую составляют этнически русские), играет общая для них национально-этническая идентичность, культурно-психологическая совместимость в рамках функционирующего этнического организма (этносистемы). И осознаваемой, и на уровне подсознания ощущаемой причиной испытываемой существенной частью электората (до 70% и выше, как показывают постоянные социологические опросы на протяжении нескольких лет) устойчивой симпатии, эмоциональной привязанности к Президенту (но редко высказываемая вслух) все последние годы является отмеченная самим В.Путиным его

этническая русскость, изначально, естественно сложившаяся сопричастность по этому этнонациональному признаку с базовым субстратом российского населения. Свое «Открытое письмо к российским избирателям», опубликованное еще в феврале 2000 г. в период избирательной кампании, В. Путин заканчивает, после перечисления комплекса проблем в сферах морально-волевого, социально-экономического и политико-правового развития России, знаменательными словами: «Если и искать лозунг для моей предвыборной позиции, то он очень простой. **Это достойная жизнь.** Достойная в том самом смысле, какой ее хотят видеть и в какую верят большинство моих сограждан. Как вижу нашу жизнь и я сам, будучи *русским* (выделено мною. — В. С.) человеком»¹⁴. Акцентация внимания на этнофункциональной характеристике, имеющей определенную значимость в глазах электората современной России, обнаруживает, не в последнюю очередь, стремление как бы реанимировать, воскресить в русском народе созидательные потенции, минимизировать дискомфортность мироощущения российского (прежде всего — русского) населения, вызванной разрушением в 1990-е гг. прошлого столетия ряда базисных доминант его бытия. Стремительный взлет В. Путина к вершине государственной властной вертикали и сохраняющаяся стабильная популярность в значительной мере обусловлен, на мой взгляд, его точным попаданием в структуру этноисторической ментальности россиян, с укоренившимися в народном сознании представлениями о желательности сильной руки «хозяина», способного не только навести порядок, но и сурово наказать преступников. Подобные представления о власти особенно импонируют современным «государственникам»,

получивших постоянную прописку в средствах массовой информации¹⁵. Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ (Ю. Левада) на территории России в 2000 г., на вопрос... «Русский человек не может обойтись без властных лидеров, сильной руки, которая бы направляла его действия?» – 72% респондентов ответили положительно¹⁶. Массовое сознание подобное желание экстраполировало в 1980-е гг. на М. Горбачева, в 1990-е гг. – на Б. Ельцина, однако обманулось в своих ожиданиях.

Реальность проблемы этнической идентичности (национальности) высшего властвующего лица в России и государствообразующего (благодаря своей численности) русского народа нашла свое отражение в статьях известного журналиста В. Третьякова. В одной из них, учитывая ориентированность общественного мнения, автор задавался риторическим вопросом: «Может ли еврей быть российским президентом?» и запугивал читателей возможным приходом к власти в 2004 г. мусульманина¹⁷. Русская ментальность в представлении о том, что именно русский по национальности (и православный по вероисповедованию) может претендовать на роль главы государства, после распада СССР и приобретения Россией международной субъектности, закрепились в самовыражении эмоциональной, душевной комфортности в связи с явным преобладанием русских в составе российского населения: 80% по данным переписи 2002 г. (в Союзе ССР русских было чуть более 50%).

По этому показателю Россию можно отнести, как это принято в международной практике, к мононациональным государствам (Великобритания, Франция и др.), если «забыть» о специфике российского исторического пути к превращению в полиэтническое, многонациональное государство и «закрывать глаза» на уст-

раивающую многие нерусские народы его национально-территориальную структуру. Вместе с тем, принимая во внимание современное состояние массового сознания русских, в котором негативное отношение к представителям другой национальности на обыденном уровне имеет определенное распространение¹⁸, выборы президента объективно превращаются в подтверждение русской самости, позволяющей многим этнически русским чувствовать себя более благоприятно в «своем» государстве. Но и власть, и в лице главного представителя, и находящейся от него в функциональной зависимости управленческой вертикали, пребывает в обратной зависимости от сложившихся условий, она способна себя эффективно осуществлять в значительной мере в случае сопряженности, идентичности культурно-историческому и этнопсихологическому своеобразию управляемому и руководимому ею российским и, главным образом, русским населением; в национальных республиках лидерам предпочтительнее иметь национальность соответственно титульной нации.

Степень этноэмоционального согласия в симбиозе власти и подвластных подтверждает легитимность властных органов в данном сообществе, их способность поддерживать стабильность и устойчивость этнической системы. Немецкий социолог М. Вебер выделил три вида «внутренне оправданной» легитимности власти: а) основанной на авторитете нравов, сформировавшихся и соблюдающихся традициях; б) опирающейся на исключительную одаренность вождя, лидера – на его харизму; в) легитимность власти как признание ее легальности, обоснованной рационально созданными правилами поведения, на господстве законов, права¹⁹, регулирующих жизнедеятельность социума.

В совокупности перечисленных факторов, легитимирующих деятельность политической власти в том или ином крупном сообществе, каждый из них (традиция, харизма, право) проявляет не равноценную значимость в конкретной общности, характера ее внутрисистемных связей, степени пассионарности индивидов и фазы ее исторического развития. В этнических системах особую роль в легитимизации власти играют устоявшиеся обычаи, правила поведения, различные символы, общепризнанные идеалы и т.п., приобретшие культурную, психологическую и историческую специфику в конкретном этносе. Власть как управляющая подсистема в структуре этнической целостности, призванная поддерживать и охранять ее устойчивость, навязывает свою волевою деятельность в качестве самопроизводящейся традиции²⁰.

От уровня и характера взаимозависимости субъекта власти и объекта властвования по признаку социально-этнической идентичности в значительной степени зависит действенность регулирования общественными процессами, устойчивость и стабильность развития различных сфер жизнедеятельности людей. Не безынтересно отметить, что чрезмерное желание идентифицировать себя с властью приводит к явным перекосам в структурах органов управления и законодательства. Социологи отмечают, что в большинстве национальных республик Российской Федерации титульные национальности представлены в депутатских корпусах в больших пропорциях, чем в составе населения. Например, башкиры составляют 22% в населении республики, в палате представителей Государственного собрания, избранного в 1999 г., имели 43,7% голосов, а в Законодательной палате – 55%. В составе Государственного Совета Татарстана также преобладают депутаты татарской

национальности (татар и русских в республике примерно равное число): 73% по результатам выборов 1995 г. и 75% после выборов 1999 г. Сходная картина наблюдается в Адыгее, Калмыкии, Саха (Якутии) и др. республиках. Участие или неучастие во власти воспринимается в качестве индикатора равенства или неравенства этнических групп, чреватое возможными межгрупповыми этническими конфликтами (Карачаево-Черкессия, Дагестан)²¹. Вместе с тем известная формула: каждый народ имеет ту власть, которую заслуживает, на опыте российской истории подтверждает возможность существования отношений взаимотерпимости, нередко слабоосознаваемой каждой из противостоящих друг другу сторонами системного единства.

Все этносы на территории России, в том числе и русский (великорусский) — суть формы социальной коллективности, исторически устоявшиеся целостности, функционирующие на огромном евразийском пространстве с имманентными себе определенными механизмами наследования ряда признаков, воспроизводящихся из поколения в поколение²². К ним относится весь комплекс традиций, включающий в себя культурно-языковые, религиозно-нравственные, мировоззренческие доминанты, сложившиеся формы общежития и хозяйствования, производственно-трудовые навыки и своеобразный характер внутриобщностных отношений, включая властно-управленческие. В своей совокупности они и создают ту исторически воспроизводящуюся особенность этноса, которая манифестируется понятием «этническое»²³.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение существующих точек зрения на феномены этноса и этничности, отмечу, что в современной этнологии (культурной

антропологии, этнографии) определились три основных подхода (направления) в их изучении: *примордиалистский* (этничность — объективно существующее явление, исторически синтезирующее в себе как социальные, так и природно-биологические факторы); *инструменталистский* (этничность — средство в достижении интересов, наличие в психологии индивидов постоянных потребностей в достижении равенства и преодолении отчуждения, стремления к власти и пр.); *конструктивистский* (этнос и этническое есть результат целенаправленной деятельности людей)²⁴. На мой взгляд, эти подходы (и, возможно, другие) в исследовании природы этнического — доказательство сложности самого процесса познания этого сегмента реальности, и они не противостоят, а дополняют друг друга и было бы ошибкой выпячивать тот или иной подход и только ему приписывать обладание истиной²⁵.

В реальном своем проявлении этническое, на мой взгляд, — это прежде всего эмпирически, визуально легко наблюдаемые отличительные, характерные для каждого народа (этноса) культурно-поведенческие и психологические особенности, обусловленные и социальными, и географическими условиями бытия этноса, обнаруживающие себя в сферах повседневного семейно-бытового, межличностного общения, независимо от классово-сословного структурирования общности, в производственной деятельности и в непроизводственном времяпровождении, в эстетических предпочтениях, в своеобразии музыкальных ритмов и мелодий, правилах этикета, приоритетах в питании, нормах обычного права, в структуре нравственных, религиозных ценностей, образа жизни в целом, отражаемого в литературе и искусстве.

Передаваемые из поколения в поколение этнические признаки становятся внутренним каркасом, устойчивой несущей конструкцией этносоциальной системы. Этническое, по мнению некоторых авторов, является «...вневременным субстратом жизни народа, онтологически значимой основой, которая сохраняется в потоке исторических изменений»²⁶. Вместе с тем этническое не встроено изначально в генную структуру индивидов, а передается по наследству культурно-языковым взаимодействием поколений.

В этносе как особой формы совместной жизни людей, объединенных на основе комплекса признаков (общности языка, культурно-исторических традиций и обычаев и пр.), при наличии сходных интересов и целей компетентная власть стимулирует действие механизмов укрепления этнической (национальной) идентичности, играющей значительную роль в закреплении психоэмоциональных взаимоотношений управляющих и управляемых друг с другом. Феномен идентификации был описан еще З.Фрейдом в работе «Массовая психология и анализ человеческого «Я» в 1921 г., который рассматривался автором в качестве решающего и универсального условия группообразования; «...идентификация, — писал он, — стремится сформировать собственное «Я» по подобию другого, взятого за «образец»²⁷, в качестве которого выступает отец, как лидер, вождь, т.е. властный субъект действия.

Необходимо отметить, что наличие в психологии этносов стереотипов «мы — они», «свои — чужие» как наиболее универсальных форм самосознания людей, используется при случае лидерами и вождями для осознанного противопоставления «своего» народа другим этническим и национальным общностям. В кризисных

ситуациях (экономических, социально-политических)²⁸ этнические автостереотипы²⁹ легко трансформируются различными этнократическими структурами в массовое этнонационалистическое, «ура-патриотическое» поведение в форме извращенной групповой солидарности, внутригрупповой поддержки только своих ценностных ориентаций, нравственных норм, образа жизни в целом. Властвующая элита активно и целенаправленно культивирует локальное этническое самосознание, «вытаскивает» из глубин подсознания инстинкты враждебности к «чужим», воспроизводя элементы родоплеменного сознания, трайбализма, земляческой замкнутости, ксенофобии и нацизма, агрессивного отрицания всего инонационального, иноэтнического. Этническая компонента в психике людей одного этнонационального образования достаточно легко приобретает характер своего превосходства и исключительности по сравнению с другими этносами или этническими группами, вырастая в ряде случаев в стремление силой навязать им свое миропонимание, идеологические установки и систему ценностей. Способом взаимной поддержки, механизмом внутригруппового, внутриобщностного сплочения вокруг лидера, вокруг общей идеи, поставленной цели и выступает процесс этнической (национальной) идентификации.

Как явление внутригруппового взаимодействия, идентификация помогает отдельному субъекту отождествлять себя с другим индивидом (лидером) или с какой-либо конкретной властвующей, господствующей социальной группой, позволяет добровольно, осознанно принимать на себя их символы и ценности только с позитивно-эмоциональной окрашенностью. Если «идентификация» – процесс включения индивида в

структуру культурно-психологического своеобразия конкретного социального объединения (большого или малого) с присущими ему механизмами этого вхождения и «врастания» одного в другое, их интеграции, то сама «идентичность» (социальная, групповая, этническая, национальная) раскрывает достигнутое состояние самоотождествления, некий относительно конечный его результат. Согласно американскому ученому Э.Эриксону, идентичность — это психосоциальная тождественность личности или социальной группы, соответствие определенному эталону, стихийно или целенаправленно сформированному харизматическим лидером, пропагандой, властвующими структурами имиджу.

Но и для власти, господствующей группы, лидера и вождя идентичность включает в себя ощущение комфорта в данной системе общепризнанных ценностных ориентаций и предоставляет реальную возможность сохранять и свою устойчивость, и стабильность существования всего этнического сообщества в целом. В этом смысле иметь идентичность в социально-групповой или этнонациональной системе означает обладание набором специфических качеств и признаков, свойственных данному коллективу и «распределенных» между его членами как солидаризирующихся индивидов. Ощущение и подтверждение идентичности демонстрирует включенность субъекта власти в конкретную общностную структуру, позволяющую с минимальными для себя потерями разрешать внутренние и внешние противоречия и конфликты. И наоборот, диффузия, энтропия идентичности в системе взаимоотношений власти и подвластных связано с переходом всего социального коллектива (этноса) в состояние неустойчивости

и неуверенности, в массовое ощущение дискомфорта, приводит к внутриобщественным и межобщественным противоречиям и конфликтам, как это и происходило, например, в российском социуме в конце XX в.

Несмотря на своеобразие установившихся отношений «власть-народ (этнос)» в последнее десятилетие прошлого столетия с присущими ему социально-политическими потрясениями, в них, как в капле воды, отразился некоторый набор базисных принципов российского властвования, приватизированных и поддерживаемых ею (властью) механизмов управления. Думается, что к негативным чертам власти относятся: их ментальной доминантной в известные исторические периоды является, за редким исключением, сакрализация своей самодержавной «Я – идентичности» и выполняемых ею функций; взгляд на Россию как на собственную «вотчину», а на себя как на главный источник законодательной, исполнительной и верховной судебной власти; декларируемые любовь и уважение (нередко искренние) к своему народу с одновременным пренебрежением к правам и достоинству «простых» людей; безразличие к существующим законам – и вербальная агитация к их исполнению; приватизация прав на решение вопросов, связанных с жизнью и смертью подданных, активное использование репрессивных органов и постоянной армии. Опыт показывает, что чрезмерная централизация («укрепление вертикали власти») властных прерогатив создает разветвленный и громоздкий бюрократический аппарат, как бы подчиненный своему «главному начальнику», но живущего в сегменте собственных корыстных интересов³⁰. Уподобление во многих чертах российского самодержавия восточноазиатским режимам власти сочеталось с евро-

пейской просвещенностью и желанием подражать «цивилизованному Западу», с попытками перенести его демократические институты на российскую почву³¹. Этот специфический российский винегрет из присвоенных самодержцем («сам держу власть») неограниченных прав (но с обязанностями защищать территорию государства и подданных от внешнего врага) перманентно воспроизводил себя как в высших эшелонах власти, в его «командном составе», так и в произвольном (и непроизвольном) копировании, подражании видимым действиям и формам поведения губернскими, региональными властвующими структурами и даже низовыми звеньями «властной вертикали» на местах.

Но постоянно воспроизводило себя и народное восприятие власти, качающееся между двумя крайностями: или многолетним терпением, страхом и трепетом перед любым представителем власти — от царя, императора, генсека, президента и их аппаратов управления, мелкого местного чиновника, наличием в сознании «инстинкта государственности», подчинения ему, — до внезапно вспыхивающей первобытной агрессивностью к власти, беспощадным бунтом против государства с его агентами как на высшем, так и на местном уровнях³². Еще Н.Бердяев отмечал, что в русском народе не может не поражать имманентное его сознанию и поведению противоречие между анархичностью, любовью к вольности — и покорностью к государству, преклонением перед ним. «...Русские, — писал он, — не любят государства и не склонны считать его своим, они или бунтуют против государства, или покорно несут его гнет»³³. Можно напомнить, что в годы казачьего восстания во главе со Степаном Разиным (1670—1671 гг.) мятежники не только расправлялись с «приказными» государственными людьми, но и уничтожали все теку-

щие дела государственного управления на местах. Подобная динамика событий была характерна для всех народных бунтов в истории России. Достаточно прочитать «Капитанскую дочку» Пушкина, чтобы узнать, как относились восставшие пугачевцы к государственным служащим. Бунтующие крестьяне вешали чиновников уездной администрации, убивали помещиков и их приказчиков и т.п. По данным официальной статистики, только за лето 1774 г. было убито три тысячи представителей господствующего, управляющего класса³⁴. В XX в. российские государственные институты, как известно, разрушались неоднократно, сопровождаясь многочисленными неоправданными жертвами обеих сторон этнической системы.

Приобретая различные формы на разных этапах развития России, имманентное этнической целостности взаимодействие «власть-этнос» сохраняло ряд характерных признаков, особых культурно-психологических установок, воспроизводящихся из поколения в поколение традиций, норм и правил поведения, которыми руководствуются субъекты дихотомии в процессе постоянного и напряженного взаимодействия друг с другом. Совокупность отмеченных признаков позволяют рассматривать власть как атрибутивный компонент социоэтнической системы, функционально связанной с управляемым ею населением, составляющих определенное единство, в структуре которого и происходят все известные общественные процессы. Возникающее социально-ролевое разделение или противостояние руководителей и подчиненных, власти и подданных, всемогущей бюрократии и «мелких» просителей не исключает их взаимосуществования в рамках конкретной этнической системы.

Даже беглое знакомство с историей России показывает, что десятилетиями сохранявшееся примирение между обуславливающими друг друга частями (элементами) единой этнической системы – властных структур и подвластного населения – не всегда выражали подлинный характер их взаимоотношений. С переходом от Московской Руси к Российской империи насмешливое полупрезрение властвующего сословия («верхов») к управляемому им остальному населению компенсировалось накапливавшимся раздражением «низов», заканчивавшихся, как правило, попытками физического истребления агентов государственного управления в восстаниях и революциях.

Вместе с тем в народном сознании на протяжении столетий фигура верховного властителя – Царя, Императора и т.д., была отделена от правящего слоя («ненавистных» бояр, чиновников)³⁵, на который и переносились ненависть и злоба за жизненные тяготы. Но если еще Екатерина II во время своей поездки по Волге в 1767 г. была поражена, какой удобный материал для управления она имеет в своих подданных и удивлялась всенародному восторгу, с каким ее встречали³⁶, то уже спустя столетие император Александр II, вошедший в историю России под именем «Царя-Освободителя», после нескольких покушений на себя спрашивал у окружающих со слезами на глазах: «За что они меня так не любят?»³⁷.

Акцентация внимания на существенных чертах российской власти показывает, что они в своих основных параметрах сохраняли себя на протяжении столетий, независимо от исторической эпохи, хозяйственно-экономического уклада, политического строя, личностных качеств верховного правителя. Черты индивидуально-

го характера, уровень образования и культуры могут иметь (и имели) значение для характера режима власти, подбора «кадров» в окружение, оказывающих затем значительное влияние на всю управленческую структуру и определяющих общую картину исторического движения, темпов развития, взаимоотношения с окружающим миром и т.д. Очевидная, в некоторых чертах, схожесть личностных портретов (не по фенотипу, а по обобщенным властно-управленческим методам) Ивана Грозного и Сталина, Александра II и Горбачева, Бориса Годунова и Ельцина, Николая I и Путина демонстрирует имманентную каждому из них в отдельности и объединяющую их в этноисторический тип (несмотря на особые фазы развития этноса) поведенческую доминанту, варьирующуюся от азиатско-деспотической до просвещенно-автократической. В своих крайних, гротескных формах в XX в.: сталинская коллективизация и индустриализация, хрущевское повсеместное кукурузосеяние и попытки построить в СССР коммунизм, горбачевское «ускорение», ельцинская рыночная реформа, военные кампании в Чечне 1994–1996 и 1999–2002 гг. — все это, отмечают политологи и историки, есть сгустки, концентраты этнической специфики российской власти с ее волюнтаризмом, пренебрежением к реальным условиям жизни подданных, нередкое превращение личностной воли в авантюристический произвол. Но и вся функционирующая управленческая вертикаль, многочисленная бюрократия или сама помогает созданию и поддержанию подобных методов управления, или оказывается неспособной что-либо противопоставить монархическим притязаниям своего «верховного» руководителя. Наблюдающееся сходство в методах правления московско-русских, россий-

ско-имперских, советских и постсоветских самодержцев позволяет сделать вывод о наличии постоянно воспроизводящей себя отмеченной традиции, которая существует как бы априорно, независимо от субъективно-личностных, нравственных, психологических особенностей государственных «демиургов» и подчиненного ему чиновничества. Эта традиция имеет не меньшее значение для сохранения специфики этнической системы, чем и другие, от поколения к поколению передающиеся и общегосударственные, и семейно-бытовые порядки, обычаи, правила поведения.

В совокупности они и составляют систему культурно-исторических оснований, вырабатываемых каждым народом в процессе своего развития в органической связи с естественно-географическими и социально-экономическими условиями жизнедеятельности, самобытным хозяйственно-культурным типом. Эти основания в своей специфике обнаруживаются в различных сферах бытия этноса, не исключая и государственно-политическую, властно-управленческую. Одна из важнейших функций власти в органике этнической системы — обеспечение ее устойчивости. «...Власть, — отметил в своем выступлении перед Государственной Думой 6 марта 1907 г. председатель Совета министров П.А.Столыпин, — есть хранительница государственности и цели народа...»³⁸. Вместе с тем поддержание необходимой этнической целостности, укрепление внутриэтнических связей во многом зависят от устанавливавшихся в России форм государственного управления³⁹, от жесткости или добродетельности характера высшего лица в государстве.

«Муки родов» этнической системы русских, ее постепенное превращение на огромном евразийском пространстве в оригинальный российский суперэтнос с включением в себя этнических общностей Поволжья, Сибири, северо-запада России и др., происходило в условиях непрерывного процесса освоения («колонизации» по словам В.Ключевского) всей геоландшафтной территории с разнообразным климатом и факторами риска в жизнеобеспечении людей, в ходе которого взаимоотношения власти и населения и приобрели некоторые специфические особенности.

2. ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОМ ЭТНОЛАНДШАФТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

«В России чтут
Царя и кнут.
...А русаки
Как дураки
Разиня рот,
Во весь народ
Кричат: «Ура!»
Нас бить пора!
Мы любим кнут!»
Зато и бьют...»

А.Полежаев

«Тот, кто любит свободу, рано или
поздно будет достоин ее».

С.Довлатов

Известно, что природно-ландшафтные, климатические, экологические условия существенно влияют на различные сферы жизнедеятельности народов. Существует целое направление в исследовательской мысли — географический детерминизм, один из ярких представителей которого Ш.Монтескье доказывал, что власть климата сильнее всех властей, а другой, энциклопедически образованный немецкий ученый, один из основоположников антрополо-географии Ф.Ратцель обосновывал положения о существующей неразрывной связи развития народов, их культур с географической средой, в которой это развитие происходит. Также, например, Л.Н.Гумилев, изучая историю народов Дальнего Востока и Китая, обратил внимание на каузальную связь между особенностями климатических условий, различиями

горных и степных ландшафтов с типами государственно-политических устройств – унитарно-деспотическими или федералистски-демократическими⁴⁰.

Русский этнос, начиная с рубежа XIII–XIV вв., за несколько столетий освоил огромную территорию, занимаясь в основном тяжелым земледельческим трудом, малопродуктивным и низкоэффективным в силу сурового климата и недостаточного плодородия почвы. Главные причины постоянной миграции русских крестьян (в основном на Юг и за Уральские горы) – низкая урожайность, быстрое истощение пахотных земель, необходимость применения экстенсивных методов хозяйства (т.е. в расширяющейся в пространстве распашке новых земель). Подсчитано, что на протяжении XVII и XVIII вв. из центральных регионов России в южные перебралось более двух миллионов переселенцев (при общей численности населения России в конце XVIII в. в 36 млн чел.)⁴¹, в Сибирь свыше 400 тысяч. В XIX–XX вв. в южные регионы переселилось 12–13 млн человек, в южную Сибирь и среднеазиатские степи – 5 млн⁴². В результате этих непрерывных потоков переселенцев население Сибири за период 1796–1916 гг. увеличилось с 1,2 млн до 10,7 млн человек⁴³.

Можно не сомневаться в том, что освоение новых территорий с непривычными природно-климатическими условиями и с постоянными контактами с аборигенами со сложившимся хозяйственным укладом и традиционным образом жизни, оказывало обратное влияние на русских в развитии их физиологических и психологических механизмов адаптации. Новое формирующееся социально-бытовое пространство им приходилось или приводить в соответствие с устоявшимися в прежнем ареале стереотипами хозяйствования и

культурно-психологического общения, или адаптироваться к новым. «Русский народ, — указывал Г.П.Федотов, — в своей истории не раз менял свою родину, каждый раз освежая на новом месте свою кровь»⁴⁴. Механизмы приспособления органически сплетались с теми выработанными в течение смены поколений чертами характера русских, которые им позволяли преодолевать экстремальные условия жизни. Российское (русское) крестьянство (составлявшее даже в конце XIX в., когда происходила глубокая трансформация общества в связи с достаточно быстрым развитием промышленного производства, свыше 80% всего населения)⁴⁵ противопоставляло сложным, тяжелым обстоятельствам свою выносливость, терпеливость, сметку, вековую привычку к тяжелому, изнурительному труду, взаимопомощь и кооперацию труда не только в семье, но и в общине⁴⁶. Эти черты характера, воспроизводимые в ряде поколений и позволяющие адаптироваться к изменяющимся условиям среды, сформировало своеобразный стереотип поведения, специфичный для той части этнического коллектива русских, которая не имела возможности распоряжаться властными привилегиями в организации системы хозяйственно-экономической деятельности.

Организатором хозяйства России всегда выступало, как отмечают историки, самодержавное государство. Власть самодержцев никогда не стояла в стороне от, казалось бы, стихийно возникающих и стремительно разрастающихся миграционных процессов. В различные исторические эпохи — от Юрия Долгорукого до Юрия Андропова — власть неоднократно применяла насильственные методы переселения и принудительного закрепления на «местах» ремесленников-специалистов, устанавливала крепостное право и военные поселения, вводила паспортный режим и прописку,

создавала колхозы и исправительно-трудовые лагеря и т.д.⁴⁷. Российская власть одновременно расширяла пространство своего господства, включая в него как добровольно вошедшие народы, так и завоевывая и принуждая к неравноправным договорам другие этносы, заселяя земли аборигенов переселенцами. Например, при завоевании Северного Кавказа в XIX в. у горцев были отчуждены 3 млн десятин плодородных земель в пользу казаков⁴⁸.

Знакомство с российской историей позволяет сделать вывод: в процессе расширения, присоединения и освоения огромного геотерриториального пространства развивал себя и этнический симбиоз власти и подвластного населения, формируя некоторые идентичные мировоззренческие и поведенческие доминанты. Несмотря на различие (противоположность) социальных и классово-политических интересов, нравственных ценностей, представлений о справедливости и т.д., внутриэтническое единство властвующей элиты и ее подданных поддерживалось в значительной мере геопространственными интересами: необходимостью расширения (присоединения) «жизненного пространства». Если крестьянскому сословию процесс колонизации представлялся естественной экономической необходимостью, инспирированным низкоурожайным малоземельем (а не имманентным якобы психическим имперским комплексом⁴⁹), то самодержавная власть видела в расширении территории России одну из своих важнейших функций⁵⁰. При этом вектор аннексии нередко зависел от географического кругозора самодержца: для Петра I – это Северная Европа, Екатерины II – Крым и Закавказье, Николая I и Александра II – Северный Кавказ и Средняя Азия и т.п.⁵¹.

Непосредственная зависимость этнической системы (этноса) от ландшафтно-географической среды, в которой она получает постоянные импульсы к самовоспроизводству, обнаруживает себя более рельефно, чем в изменении и развитии других крупных социальных объединений (государства, общества, нации, если понимать ее только как «согражданство», класса и т.д.). Невозможно отрицать роль и значимость природных факторов — как в прошлом, так и в настоящем, — в саморазвитии и всего социума, социального организма в целом, и каждого индивида в отдельности (К.Маркс отмечал, что даже смена естественных природных условий приводит к умножению способностей и потребностей)⁵².

К объективным причинам, не зависящим от воли и сознания людей, но влияющим на нестандартность их поведенческих установок и стереотипы внутриобщинного взаимодействия, следует отнести специфику природно-климатических условий исторического центра российского государства. Известно, что цикл сельскохозяйственных работ в пределах Нечерноземья (и не только) был и остается чрезвычайно коротким, если его сравнивать со странами Западной Европы. Постоянные колебания климата, непредсказуемая изменчивость погоды, внезапный переход от солнечных дней к дождливым, реальные возможности гибели урожая и т.п., с учетом явной недостаточности плодородия среднерусских почв, вынуждал русского крестьянина к высокоинтенсивному, изнуряющему труду, который нередко оказывался напрасным из-за внезапной длительной засухи или ненастья. Имеющаяся в руках историков статистика показывает, что на протяжении 400 лет (XVI—XIX вв.) в историческом центре России уро-

вень урожайности был чрезвычайно низок, несмотря на громадные затраты труда и почти невосполняющиеся его издержки⁵³. Специфика природно-климатических условий, в которых происходит жизнедеятельность основной массы русского населения, сформировала и особый этнопсихологический тип его поведения в сфере труда и быта. В.О.Ключевский справедливо отмечал, что русский крестьянин всегда спешил и много работал в короткое весенне-летнее время, оставаясь без больших и напряженных дел осенью и зимой. «...Великоросс, — писал он, — приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой привычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии»⁵⁴. Как это не покажется удивительным, но и в современных российских деревнях, особенно в средней полосе и в Нечерноземье, подобная деятельная ритмика продолжает сохранять свою актуализированность в сфере сельского труда и бытового времяпрепровождения.

Сформировавшийся поведенческий стереотип трудовой деятельности, на мой взгляд, подтверждается поведением людей и в социально-политической сфере. Массовые выступления крестьянства за «хорошего» царя, против помещиков и чиновничества как властвующих сословий, потрясавшие устои государства, происходили в истории России довольно редко. «Примерно раз в столетие, — отмечает Р.Пайпс, — русские крестьяне выходили из себя»⁵⁵, как бы подытоживая

десятилетия достаточно индифферентного отношения к собственному полурабскому существованию «бесмысленным и беспощадным» (А.С.Пушкин) русским бунтом. Но и российская власть в этом отношении мало чем отличается от своих подданных. А.Янов указывал, что практически во всей истории России наблюдается особый, пульсирующий характер деятельности российских властных элит в сферах социально-экономического и политического развития, с присущим себе сочетанием коротких фаз энергичной, лихорадочной, модернизационной активности с последующими длительными периодами прострации и «спячки»⁵⁶. В 90-е гг. прошлого столетия россияне неоднократно были свидетелями неравномерного политического поведения Б.Ельцина, демонстрировавшего кратковременную вспышку бурной деятельности с переходом в знаменитые «многозначительные» достаточно продолжительные паузы⁵⁷.

В связи с этим небезынтересно отметить, что независимо от своей этнической «крови» (собственно русская линия властвующих самодержцев прекратилась с воцарением на российском престоле принцессы Софии-Августе-Фредерике Ангальт-Цербской, принявшей Православие и названной Екатериной II)⁵⁸, властвующие особы в истории России в период своего правления стереотипом поведения старались мало чем себя отличать от русских крестьян. За редким исключением, властители России идентифицировались с народом не только единоверием (Православием), традициями и привычками повседневной жизни, приобретающих значимость устойчивых этнических маркеров⁵⁹, но и системой поведенческих актов и в бытовой, и в политической сферах, их нередкой дисгармонией. Пуль-

сирующая, прерывистая деятельность была характерна не только для больших исторических периодов, но и в действиях почти каждого отдельно взятого властителя, пытавшегося реформировать основы российской бытийности.

Относительно низкий уровень совокупного прибавочного продукта в России по сравнению со странами Западной Европы был обусловлен низкой урожайностью сельскохозяйственных земель, ограниченностью размеров крестьянской запашки и недостаточной базой скотоводства. Экстремальность природно-климатических условий на основной исторической территории России для жизнедеятельности и русского, и других вошедших (и не вошедших) в российский суперэтнос народов детерминировала и определенный тип государственности и форму властвования. Господствующее сословие с самого начала возникновения Московской Руси с ее царским деспотизмом и суровой дисциплиной, сломавшее традиции Новгородской вольницы, впитало в себя традицию жесткой иерархической соподчиненности от золотоордынских властителей⁶⁰. Эта традиция перманентно перешла в абсолютизм императорской России, которая с таким же успехом победила казацкую вольницу и получила свое наиболее гипертрофированное и законченное выражение в сталинскую эпоху.

О влиянии природно-географических условий и климатических факторов на историческую жизнедеятельность народов, их этнопсихические характеристики писали многие известные мыслители. Упомянувшийся французский философ Ш.Л.Монтескье доказывал обусловленность различных форм правления у тех или иных народов, их нравственного уровня, душев-

ного склада, волевых потенций влиянием холодного или жаркого климатов, равнинных или горных условий жизни⁶¹. Подобные идеи имеют длительную историческую традицию и высказывались еще арабскими географами X–XI вв., став фундаментом географического детерминизма⁶².

Обширность географической территории России, разделенной многочисленными реками, озерами, болотами и лесами, объективно способствовала локализации, разбросанности и разрозненности различных русских поселений на всем протяжении земледельческой колонизации, способствуя формированию своеобразного дуализма в русском мирозерцании. С одной стороны, сохранилось стойкое ощущение себя единым народом с одним царем, Православной верой, культурой и языком, с другой — локализация сознания в границах отдельных общин (миров). Возникая в особой экосистеме — водной, лесной или степной, каждое микророселение на период своего функционирования заявляло о своей претензии на автаркию, на «особность» в отношениях с соседями. Оно стремилось легитимизировать свое положение, в какой бы «точке» российского государства это ни происходило: за лесами, озерами и болотами северного Поморья, в лесистых пространствах Заволжья, в юго-восточной степной Украине, на берегах Терека, или Кубани, во многих местах Сибири, в пограничных горах Алтая и т.д. Для многих жителей подобных поселений закрепленность в определенной местности была временной и сама исключительная обширность российского пространства, быстрое истощение обрабатываемой земли вследствие ее крайне расточительного характера использования приводило к тому, что как отдельные крестьяне и по-

садские люди, так и целые общины («локализованные микрокосмы», по выражению К. Маркса) и волости устремлялись в простор, к еще большему расхождению или, согласно официальным актам, «разбрелись врознь», создавая массу проблем для властей как государственного, так и местного уровня.

Постоянно воспроизводящие себя миграционные перемещения больших потоков населения с XV—XVII вв. невозможно объяснять только характером русского земледелия, на который указывает Р. Пайпс⁶³. Они были вызваны причинами, коренящимися в природе особой фазы этногенеза (по терминологии Л. Гумилева — конец фазы подъема и пришедший ей на смену акматической фазы) в развитии русского этноса, в условиях которой значительное число энергичных и бесстрашных (пассионарных) людей меняет общий для всего этноса уровень поведенческой активности, увлекая многих индивидов на освоение (и изменение) окружающей среды⁶⁴.

Влияние динамичного, перманентного переселения с места на место, изменения жительства значительной частью народонаселения развило у нее, как отмечали этнографы XIX в., страсть к разгулу, расплывчивости по российскому пространству, склонность к бродяжничеству, способствовавшему возникновению многочисленного слоя так называемых гулящих людей. «Вековая страсть к разгулу, — писал А. П. Шапов, — странничеству и бегству на раздольном, обширном пространстве русской земли, отразилась и в географическом и в умственном движении масс...»⁶⁵. Сам феномен необъятных просторов России как бы провоцировал значительные массы населения на поиски утешения от социальных противоречий и жизненных невзгод «но-

вого царства и лучшего места» жительство, на постоянное стремление куда-то «за тридевять земель»⁶⁶. Устойчивость психологической доминанты к «охоте к перемене мест» у массы людей, их постоянные поиски счастливой жизни в других краях и весях, повторяющиеся из поколения в поколение, независимо от социально-политических и экономических условий развития российского общества, не может не свидетельствовать о «врожденности» особых черт этнической (национальной) психологии, которые не обязательно способны трансформироваться только в позитивно-созидательные результаты. Можно вспомнить, например, что в относительно недавнем прошлом освоение целины миллионами мигрантов для поддержания необходимого продовольственного баланса в бывшем СССР, как и добыча полезных ископаемых в Сибири, сопровождалось рядом негативных последствий: варварским отношением к осваиваемой и обрабатываемой земле, тотальным загрязнением водоемов и т.п.

С удивительной легкостью десятки и сотни тысяч людей, и по своей охоте, и по призыву властей, в течение столетий (и в XVII в., и в XX) срывались и срываются с насиженных мест, оставляют привычную работу, нередко разрывая устоявшиеся отношения с семьей и привычным кругом друзей и знакомых, нанося значительный ущерб хозяйственно-производственной и социально-бытовой сторонам жизни общества. Властные структуры по-своему реагировали на эти процессы. Все явления расплывчивости русского народонаселения по широким российским просторам, замечает А.П.Шапов, «весь этот географический, пространственный разгул и простор народных масс неизбежно

повели к так называемому *собиранию русской земли*, к **централизации**, к прикреплению крестьян к земле и к **крепостному праву**...»⁶⁷.

На протяжении столетий, в том числе и в XX в., самодержавная и советская власть «перетряхивала» подвластное себе население не только структурно, но и пространственно, перегоняя значительные массы людей за сотни и тысячи километров, не считаясь не только с материальными, экономическими затратами, но и с их нравственными и религиозными нормами поведения. При этом основным средством и физическим субстратом в реализации планов и целей российской власти был так называемый «простой» народ, касалось ли это строительства отличной от Москвы столицы в эпоху Петра I или создания нового общественного строя в XX в., с использованием полного набора прямого и косвенного военного, административного, психологического, идеологического и судебного воздействия на людей.

Геоприродный комплекс, все естественно сложившиеся внешние условия, в которых осуществлялось развитие русской этнической системы и российской суперсистемы, обуславливал относительно низкий объем совокупного прибавочного продукта, оказывающего, в свою очередь, непосредственное влияние на формирование деспотического типа государственной власти в России. Господствующий класс как бы «вынужден» был создавать предельно жесткие рычаги и механизмы управления, стремясь к максимальному изъятию той доли совокупного прибавочного продукта, которая шла на удовлетворение потребностей и интересов развития и самого государства (например, содержание армии) и, как считала власть, общества в целом. «Именно отсюда, — замечает Л.В.Милов, — идет многовековая тради-

ция деспотической власти российского самодержца, отсюда идут в конечном счете и истоки режима крепостного права в России, суровость которого не имела аналогии в мире»⁶⁸.

Объективно складывающаяся система отношений русского этноса с окружающей его природой относится к числу наиболее важных, базисных причин существовавшего в России на протяжении столетий особого, или, как его нередко называют, «азиатского» типа политического режима с его чертами абсолютистско-деспотической формой правления, всеобъемлющим контролем государства над обществом и стремлением власти к безраздельному подчинению каждого человека.

3. РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

«Власть только выигрывает и усиливается от того, когда ею пользуются умеренно.

Ю. Цезарь

«Дорвавшийся до власти сознает себя державной осью государства и злоупотребляет правом грабежа, насилий, пропаганды и расстрела».

М. Волошин

Совокупность драматических проблем, с которыми столкнулось население Российской Федерации в 90-е годы прошлого столетия, детерминирована не столько модернизационными процессами в социально-экономической и политической сферах развития общества, сколько с теми способами и методами преобразований, которыми пользовалась властвующая управленческая элита и связанная с нею политологическая профессура в навязывании своих представлений о том, что «есть и какой должна быть Россия».

Крупные неудачи в экономических преобразованиях начала 90-х гг. прошлого столетия, приведших к отбрасыванию за черту бедности более половины населения России⁶⁹, неспособность найти адекватные политико-правовые решения в сфере федеративных отношений способствовали росту сепаратизма, нашедшего свое концентрированное выражение в жестоким российско-чеченском конфликте⁷⁰. Тотальный рост преступности, моральное разложение различных соци-

альных слоев (к наиболее заметным относится потеря авторитета именно властвующей элиты) обуславливались экономическими, государственно-политическими просчетами, игнорированием верхушечным слоем общества устойчивых этнокультурных и этнопсихологических особенностей народов Российской Федерации и прежде всего государствообразующего русского этноса. К парадигмам российского (русского) нравственного сознания и поведения относятся чувства справедливости и равенства, предпочтение коллективистских ценностей в сфере труда и в бытовых отношениях индивидуалистически-рыночным, негативизм к чрезмерному богатству (особенно к торгово-купеческому) и его носителям и т.п. Отторжению и неприятию предлагаемым (и навязываемым) сверху реформам способствовали привычки и традиции, исторически сформировавшиеся стереотипы (групповая солидарность, вера в государственные институты и т.п.), эксплицирующиеся в производственно-трудовую и социально-политическую активность и рядового гражданина, и публичного деятеля.

В России (не только у русских) культурно-психологическая ментальность ориентирована в большей степени на коллективистские ценности и нормы, на приоритетность групповых, общезначимых интересов в сравнении с индивидуалистическими и личностными и обусловленных вековыми традициями и обычаями русской сельскохозяйственной общины, ее образом жизни⁷¹. Русская культура (как и культура многих народов Востока – Китая, Кореи, Японии, ряда стран Латинской Америки и т.д.) относится к коллективистскому типу в отличие от индивидуалистического, характерного для ряда стран Западной Европы – Вели-

кобритании, Германии, Италии, Франции и др., Канады, США. Уже с 70-х гг. прошлого столетия усилиями некоторых исследователей (Г.Хофстед, Г.Триандис и др.) были выделены специфические особенности этих типов культуры, каузально связанных с поведенческими стереотипами людей в семейно-бытовой, социально-политической, профессионально-производственной сферах деятельности. Каждому типу культуры имманентны своя позитивная и негативная атрибутика⁷², которая должна учитываться властно-управленческими структурами, особенно в период стремительного преобразования (модернизации) общественного уклада жизни.

В коллективистском типе культуры безусловными ценностями являются взаимоподдержка, солидарность, приоритетность групповых интересов над личными, кооперация, равный доступ к образованию, медицинскому обслуживанию и к использованию свободного времени, оправданное ожидание поддержки со стороны государства, предприятия или учреждения, где индивид «проработал всю жизнь» и т.п. Полунасмешливое отношение к этим ценностям индивидуалистов, противопоставление им ценностей «Я – идентичности»: личностной свободы, актуализации индивидуальных возможностей, успех как результат победы в соперничестве и т.п., в период волевого принуждения к рынку, к индивидуальной самореализации разрушили моральные и психоэмоциональные константы большей части населения России, погрузив его в длительное и стойкое ощущение дискомфорта. Спустя 15 лет после начала реформ доля самих бедных, которым не хватает даже на еду, составляет не менее одной пятой части жителей страны. Как показывают итоги регулярных опросов Аналитического центра Ю.Левады, в июне

2006 г.: на вопрос «Чувствуете ли вы уверенность в завтрашнем дне?» ответили «да» — 10%, «скорее да» — 25%, «скорее нет» — 30, «нет» — 32%, затруднились ответить — 4%⁷³, т.е. отрицательных ответов, несмотря на общую социальную стабильность, оказалось почти в два раза больше, чем позитивных. Коллективистский тип культуры продемонстрировал упорное сопротивление революционной либерализации уклада жизни, которую пытались совершить российские реформаторы конца XX в.

Победа «духов революции» (Н.Бердяев) в 1917 г. и все последующие десятилетия массовой поддержки идеалов социализма и коммунизма объясняются не «лживостью марксистско-ленинской идеологии», партийной пропагандой и т.п., а в значительной степени их соответствием коллективистским приоритетам в лично- и социально-психологических установках людей, сформированных историческими практиками. Лозунг «Человек человеку — друг, товарищ и брат» пользовался в течение десятилетий моральной поддержкой и уважением. И наоборот, насильственное внедрение «сверху» индивидуалистических ценностей и идеалов, частнособственнических интересов и т.п., необходимых для развития рыночных отношений, но ломающих традиционные устои в психологии и поведении индивидов, явились одной из причин системного кризиса 1990-х гг.⁷⁴.

В игнорировании закрепившихся в массовой психологии прочных и воспроизводящихся из поколения в поколение установок и привычек к приоритетно-коллективистским формам и способам деятельности, в пренебрежении к принятым и усвоенным большинством населения политическим и этическим нормам и обычаям, составляющих специфику его политической

и нравственной культуры⁷⁵, находят свое объяснение серия неудач как в попытках преобразовать планово-административную экономику в рыночно-свободную, так и в стремлении построить демократическое правовое государство по западноевропейским стандартам.

Вся структура властно-подданических отношений есть одна из сфер проявления имманентной каждой этнической системе оригинальной ментальности, в которой синтезированы ее (системы) неповторимая историческая судьба, специфика психического состояния индивидов, совокупность их взглядов, мировоззрения в целом. Феномен ментальности воплощает ту базовую культурно-историческую традицию⁷⁶, которая объединяет, идентифицирует носителей властных полномочий со «своим» подвластным этническим окружением.

Содержательная насыщенность этнической традиции, накопленный в ней культурно-исторический материал создают своеобразную «физиономию» каждого этноса, выражающейся и в определенном типе взаимоотношений власти со своими подданными в течение столетий и сменяющихся поколений. Власть поддерживает определенный уровень социальной консолидированности данного сообщества, используя культурно-языковую идентичность этнофоров в качестве своего важнейшего инструмента⁷⁷. Нарастающей саморазорванности общества, «ослаблению общественного порядка» может противостоять, как заметил В. Виндельбанд еще в XIX в., ...«тождество культурного сознания индивидов»⁷⁸.

Отдавая должное исторической роли предшественников В. Путина по демократическому преобразованию советского общества, нельзя не отметить, что этнокультурный и психо-поведенческий альянс и М. Горбачева,

и Б.Ельцина со своими «подданными» (народом) был кратковременным вследствие неустойчивости и стремительного разрушения их первоначальной позитивной политической доминанты, утрата ими ощущения идентичности и чувства сопричастности с интересами и целями динамично развивавшегося общества, собственной слабости на провоцирующее влияние на них ненавистных народу «взяточников-чиновников», «олигархов» и т.п. Подмена реформ длинными «говорениями» одного и страстное желание оставаться на вершине власти (вопреки катастрофическому состоянию здоровья) другого обусловили не только (и не столько) политическое, но и (сколько) психоэмоциональное, этнопсихологическое отторжение властителей от большей части населения, негативно воздействуя на всю структуру общественного развития.

В отечественной истории обнаружилось существование двух базовых институтов, деформация которых привела к эпохальным общественным разрушениям. Во-первых, распад этнокультурной идентичности между различными, базовыми этнообразующими классами и социальными группами в России — дворянства и крестьянства, начавшийся с эпохи Петра I, вовлечение в процесс усиливающегося культурно-психологического и языкового отчуждения (известно, что царский двор и дворянство в XVIII — середине XIX вв. «стеснялись» говорить на русском языке, предпочитая ему немецкий или французский) друг от друга все большего числа носителей общего для всех этнического самосознания, обусловили в значительной (если не в решающей) мере раскол российского общества на противостоящие стороны. Этнокультурная, классово-сословная несовместимость в рамках единой этнической целостности явилась одной из фундаментальных причин тех социаль-

ных потрясений, которые пережила Россия с начала XX столетия. Нельзя не видеть симптомов этой «болезни» и в современной России в связи с огромной разницей в доходах (невозможной в цивилизованном обществе) различных слоев населения.

Во-вторых, к объективно-исторической специфике России относится сосуществование в рамках единого территориально-государственного образования множества больших и малых народов, этнических групп (по численности — от нескольких сотен людей до миллионов) со своими оригинальными культурами и психическим складом, технологиями адаптации и освоения окружающего пространства. Каждый этнос постоянно презентует свое существование и требует справедливого к себе отношения; властвующим управленческим органам приходится постоянно решать дилемму: манифестировать свое право на принуждение различных этно-субъектов к принятию, учету общегосударственных федеративных интересов, и необходимости признания этнокультурной специфики народов по восприятию этих требований центра с одновременным выдвиганием собственных правовых и политических претензий в сферах языка и культуры. В сфере этнокультурного взаимодействия государственно-управленческим органам постоянно приходится провозглашать и осуществлять не только свою ориентацию на усиление интернационализации жизнедеятельности этносов, т.е. ломки этнических перегородок, снятия искусственных барьеров и пр., но и поощрять, поддерживать внутреннюю устойчивость культурной целостности каждого этнического образования.

История многонациональной, многоэтнической Российской империи не раз доказывала отсутствие идеального конструктора во взаимоотношениях центральной

власти и разноязычных «племен и народов»; острота межэтнических отношений неоднократно потрясала устои державы. Достаточно напомнить о бурлившем от этнонациональных напряжений XIX веке: 50-летняя война за обладание Северным Кавказом; подавление польских восстаний в 60-е годы; завоевание Туркестана; унижения украинцев, финнов, армян⁷⁹ и др. народов. «Грубые приемы властей, — писал известный историк В.С.Дякин, — по подавлению национальных движений в России способствовал лишь их радикализации... А эта радикализация в свою очередь послужила новым толчком для усиления репрессивных действий властей. В результате национальный вопрос стал одним из важнейших дестабилизирующих факторов в Российской империи конца XIX — начале XX века»⁸⁰.

Исторический опыт показал: национально-этнический фактор сыграл гиперсущественную роль в гибели императорской России; в образовании полиэтнического Союза ССР с декларированным в его Конституции равноправием всех национальных республик и с многолетними, оправданными претензиями на роль великой державы; в «мгновенном» исчезновении союзного государства с мировой арены, занимавшей самое обширное геоландшафтное пространство. В катаклизмах и возрождениях одной из самых великих империй в истории человечества отчетливо видна огромная амплитуда властно-управленческой настроенности, ориентированности (и центральных, и региональных субъектов властвования) ко всей совокупности этнонациональных практик: от провозглашаемого и поддерживаемого в своей деятельности учета этнической специфики в сферах культуры и образования, патерналистского стимулирования социально-экономического и политического раз-

вития, — до насаждения административно-бюрократических методов управления всеми сферами жизнедеятельности народов (этносов), стремления унифицировать (русифицировать) этническое разнообразие; от заигрывания и потакания амбициям и капризам региональных и местечковых этнократов — до репрессий в отношении ряда народов или ведения масштабных военных действий против одного из них и т.п. Мне представляется, что в противоречивых политико-эмоциональных действиях власти «скрыта» одна из тайн исторических потрясений, пережитых Россией в XX в.

Вместе с тем при выяснении причин достаточно мирного «развода» в 1991 г. Союзного государства (в сравнении с развалом Федеративной социалистической Югославии, сопровождавшимся кровавыми межэтническими войнами) можно выделить, помимо прочих, следующие из них. Во-первых, десятилетиями проводившаяся идеологическая, теоретическая, вербально-психологическая пропаганда принципов и ценностей интернационализма: дружба народов, солидарность, уважение к национальному достоинству и др.⁸¹, с одновременными и конституционно-закрепленными запретами любых националистических выпадов⁸², в условиях тоталитарного и авторитарных режимов способствовали формированию и функционированию советского типа в целом мирного и доброжелательного сожительства народов и этнических групп (исключая, конечно, сталинские репрессии 1943—1944 гг. против ряда народов Северного Кавказа, Крыма и др.) и перевода этнического негативизма в сферу кухонно-бытовых пересудов и анекдотов.

Во-вторых, практика распространения русского этноса по огромному Евразийскому пространству показало, что структуре самосознания большинства рус-

ских не свойственна воинственная этническая нетерпимость, не выявлено массового проявления неприятия стандартов и обычаев семейно-повседневной и хозяйственной жизни других народов.

В исторических исследованиях отмечается, что заселение русскими первопроходцами регионов Сибири в XVI–XVIII вв. не сопровождалось, за редким исключением, порабощением аборигенов, а изучение языков, местных обычаев и навыков быта и труда в большей степени приближало, например, русских к якутам, чем якутов к русским. «...Колонизация Сибири русскими, — отмечал Л. Гумилев, — не была похожа ни на истребление североамериканских индейцев англосаксами, ни на работорговлю, осуществлявшуюся французскими и португальскими авантюристами...»⁸³. Закрепление русских на обжитых ими территориях не связано с вытеснением местных этнических групп или физическим уничтожением коренного населения; русские проявляли дружелюбие и добрососедство, уважение к праву других народов на этноразнообразие культур, языков, верований, образу жизни в целом⁸⁴.

Русский человек обидчив, но не злопамятен, его эмоциональное восприятие окружающей действительности непосредственно связано с чувством справедливости и даже незначительное проявление дружелюбия вызывает ответное желание помочь и защитить даже возможного потенциального соперника.

Подобная этнопсихологическая направленность способствовала появлению одной из крупнейших этнических суперсистем, в которую помимо собственно русских вошел целый ряд народов Сибири (ханты, манси, ненцы, эвенки и др.), Поволжья (чуваши, мордва, марийцы), Европейского Севера (карелы, вепсы и др.),

обладавших позитивной комплиментарностью в отношениях друг с другом, заимствуя технические достижения и передавая технологические механизмы адаптации к окружающей среде.

В докладе европейской группы экспертов по изучению и анализу культурной политики в Российской Федерации (1996 г.) специально подчеркивалась уникальность России с точки зрения ее региональной, национально-административной структуры, каждый из компонентов которой имеет «свои культурные корни, собственное культурное прошлое, настоящее и индивидуальные пути развития»⁸⁵.

На протяжении всей российской истории различным государственно-политическим режимам (власти) приходилось считаться с фактом внутренней устойчивости этнонациональных культур, которые, несмотря на воздействие интеграционных процессов, сохраняли и отстаивали собственные механизмы этнической самобытности. Стремление к огосударствлению культуры и ее учреждений, попытки тотальной идеологизации приводили к нарастанию напряженности и конфликтам⁸⁶, в значительной мере способствовавших распаду Союза ССР, исчезновению с исторической арены носителя общесоветской культуры.

Несомненны объективная значимость каждой нерусской этнической общности с имманентной себе специфической культурой и характером, наличие важной роли каждой из них в этногенезе общероссийской полиэтнической целостности. Вместе с тем решающая роль в «упорядочивании» и поддержании российской полиэтнической коллективности с опытом совместной жизнедеятельности принадлежит и в прошлом, и в настоящем *русскому народу*.

Как самая крупная этносистема русские – базисный субъект развития общества с его устоявшимися государственно-державными традициями, культурой, языком, способный защитить не только собственные политико-государственные интересы и ценности, но и призванный оберегать культурные ценности других российских народов. Именно политическая культура русского этноса, сконцентрировавшая в себе черты его характера, психоэмоциональные особенности и т.п., является на протяжении столетий базовой доминантой в менявшихся общегосударственных режимах власти, в реальном распределении властных волеизъявлений, в приоритете тех или иных ее функций. На русских возложена и самая существенная часть морально-исторической ответственности за устанавливавшиеся формы и методы государственного правления, за определенные типы политических режимов (тоталитаризм, авторитаризм, демократия), за силу или слабость гражданского общества.

Нельзя не отметить, что в правовой и политической сферах культуры существуют этнонациональные различия, в которых значительную роль играют исторические и религиозные традиции. Например, правовая и политическая культура народов с устоявшейся парламентской традицией (страны Западной Европы) резко контрастирует с политико-правовой жизнедеятельностью этногосударственных образований, базирующихся на принципах исламского мирозерцания (страны Ближнего Востока). Каждый этнос обладает определенным соотношением обычного и государственного права, влияющего на его соционормативную культуру и проявляющегося в гражданском статусе личности, семейном, административном и уголовном пра-

ве. В современной России, демонстрирующей движение от жизни по «понятиям», по «правде» и «справедливости», т.е. с уклоном в эмоционально-нравственные принципы, к правовым, политико-юридическим механизмам существования; у некоторых народов правовые и традиционалистские институты существуют как бы параллельно, независимо друг от друга (например, у народов Северного Кавказа), у других они взаимодействуют в повседневной и государственно-политической жизни людей. В российской действительности, в повседневной жизни можно наблюдать значительные различия в правовой культуре и политико-правовой зрелости людей, их законопослушности, уважения к демократическим и политическим институтам.

Несомненную роль в поддержании и воспроизводстве из поколения в поколение определенных традиций и правовой культуры каждого народа играют его этнические особенности в сфере общей духовной настроенности на те или иные принципы и нормы поведения, проявляющиеся как на индивидуальном, так и на групповом, этноколлективном уровне. Известный американский писатель У.Фолкнер заметил, что каждый человек есть сумма своего прошлого и понятия «был» для него не существует, так как прошлое реально в сегодняшнем. «Предки человека, его происхождение, — писал он, — являются его частью в любой момент»⁸⁷. В правовой сфере актуализация прошлого в поведении индивида находит свое воплощение — даже через ряд сменившихся поколений, — в его ориентации на определенные символы, нормы и правила, в которых структурируются как господствующее в общественной жизни обычное право, так и регулирующие социальное пространство законы, установленные государ-

ством. Постоянное возмущение на бездействие и слабость законодательных механизмов регулирования общественной жизни в современной России аналогичны тому негодованию в оценке правовой культуры в России, которое было характерно для российской интеллигенции в начале XX в.⁸⁸

Пренебрежение к законам, индифферентное отношение к правовым нормам и механизмам регуляции общественных отношений, почти постоянное исключение из сферы своей повседневной жизнедеятельности, из личностного и социально-группового мировоззрения ценностных аспектов права было (и есть) свойственно не только «низовым» структурным компонентам общества, но и его «верхним» слоям, правящей элите, несмотря на декларируемые ими приверженности законам, праву, Конституции. Пушкинские слова о барстве диком «без чувства, без закона» применимы, в той или иной мере, ко всем периодам (с известной модификацией) российской истории, они отразили и нравственно-психологический концепт правителей в понимании своей роли в обществе.

Например, сменивший на царском троне своего отца, Александра II, вошедшего в историю в ореоле звания «Царя-Освободителя», Александр III укрепил в себе безотчетную, слепую веру в необходимости сохранения самодержавия, понимаемого им прежде всего как обладание неограниченными властными полномочиями. Власть в его представлении выступала как личная собственность, а люди, рассуждающие о народовласти, воспринимались им как воры, претендующие и «покушающиеся на его нательную рубаху». Его презрение к возможным демократическим преобразованиям России, начавшихся с реформ его отца, и вызвавшее-

ся в известном высказывании: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?»⁸⁹ – громким эхом отозвалось в XX столетии. Но и через сотню лет, на стадии происходившей при Ельцине «модернизации» российского социума взаимоотношения Президента России и его окружения с Конституцией не отмечались стабильностью, не говоря уже о других субъектах российского конституционного пространства.

В сфере правового сознания и политической культуры, выражающихся в приверженности к общепризнанным нормам, социальным образцам (стандартам) как властных структур, так и объекта управления в единой системе этнического организма в определенные исторические периоды происходит уравнивание их государственных интересов, идентификация символов и целей. Известно, что одним из способов легитимизации власти является ее идентификация в народных представлениях с национальными, этническими символами, ее адекватности народным потребностям и интересам, что «именно эта власть лучшим и единственно возможным способом учитывает культурную и историческую специфику данного народа и данной страны»⁹⁰.

Сотрудничество власти с населением на уровне этнической целостности как бы независимо от классово-сословных предубеждений и предрассудков, взаимной неприязни и потенциальных конфликтов. Интегральная совокупность специфических черт правосознания и культуры в бытии различных этносов, в том числе и русского, есть воплощение в реальности, говоря словами Гегеля, особого «духа народа», реализующего свою действительность⁹¹. Выражает же себя «дух народа» в отличающих их друг от друга чертах нравственности, религии, политического строя и правовой системы.

Известный русский мыслитель И.А.Ильин доказывал, что форма государственного устройства проявляется в качестве функции правосознания данного народа в определенных социально-исторических условиях⁹². Он обосновывал идею необходимости строя монархии для России, которая характерна для русской ментальности, взятой в совокупности ее нравственно-политических и психологических особенностей и с учетом сохраняющейся исторической преемственности. Вспомним, что и русский публицист И.Л.Солоневич презумпцию восстановления и легитимизации монархической власти в России объяснял присущей русскому народу особой доминанты его характера, выражающейся в стремлении всей нации в течение всего периода ее существования непрерывно строить и поддерживать единую верховную царскую власть⁹³.

Однако не подлежит сомнению наличие в русском национально характере и другой (несколько менее заметной) системы ценностей. В русской ментальности столетиями сохранялась противоположная «азиатчине» так называемая «западническая» ориентация, пролонгированная еще со времен Киевской Руси и Русско-Литовского государства. Эта традиция, утвердившаяся в XIII–XVI вв. в Новгородской и Псковской формах правления, была уничтожена стремительно растущим пассионарным Московским деспотизмом. Влияние собственно древнерусских и западноевропейских элементов политической культуры: договорные отношения с властителями (князьями), выборность администрации, укрепление основ правового сознания и уважения к частной собственности и пр.⁹⁴ — было «похоронено» на несколько столетий. Но если в ушедшие времена это влияние оказывалось на незначитель-

ные сегменты российского социума и быстро «проиграло» восточному натиску с его самовластными государственно-управленческими традициями, то последние десятилетия XX в. доказали благотворность воздействия демократических ценностей на политические и нравственные аспекты жизнедеятельности общества.

Вместе с тем совокупность поведенческих актов избирателей в выборных кампаниях, стремительное, почти поголовное перемещение представителей региональных элит из одной «партии власти» в другую (как только первая теряла свою престижность), ожидание «сильной руки» и «твердого порядка», мгновенное наполнение главного властителя эмоционально-позитивными качествами подтверждают, особенно для российской бюрократии, витальность на протяжении столетий режима абсолютизма и его превалирующую ценность для массовой психологии. Побывавшие в коридорах власти чиновники почти поголовно утверждают, что «...при любом режиме Россией всегда правили цари: что помазанники Божии, что генсеки, что нынешний (Ельцин. — *В.С.*) президент»⁹⁵.

Несмотря на пронизывающие геопространство России демократические ветры, независимо от ежедневно артикулируемых из различных средств массовой информации почтительного отношения к демократическим ценностям (свобода слова, личная неприкосновенность, права частной собственности и др.) и постулатам гражданского общества (см. Конституцию РФ, глава 2), способных приблизить (при их «внедрении» в массовое сознание, в повседневный быт) народы России к стандартам цивилизованных стран, нельзя не согласиться с мнением, что в основе политической жизни России лежит персонификация, сакрализация влас-

ти, а политико-культурные представления населения «основываются на стихийном монархизме («вождизме»)»⁹⁶. Подтверждением удивительной стойкости подобной политико-психологической доминанты в массовом сознании россиян служат парламентские выборы 2003 г., в которых с внушительным перевесом победила так называемая «партия власти», основным лозунгом которой был «Мы за Путина», и президентские выборы в марте 2004 г.: заявленные конкуренты главному, обожаемому большей частью населения претенденту на эту должность, оказались не востребовавшими декоративными фигурами.

Очевидная предрасположенность к авторитарному типу власти (с большими или меньшими отклонениями в различных этнических и региональных сообществах — с диктаторскими полномочиями в Чечне, Калмыкии, Башкирии или с некоторым либерализмом в ряде Центрально- и Северо-Европейских субъектах федерации) органично сопряжена с выявившейся в процессе этногенеза совокупностью антропологических, пространственно-географических, властно-собственнических условий и факторов. На протяжении десятилетий не стихают споры о приверженности России к западным или к восточноазиатским принципам развития, о присущей ей некоей особости, развивающейся по своеобразному евразийскому пути. Однако нельзя не отметить, что именно в системе властных отношений с их патернализмом и исторически непреходящей «отчинностью» по отношению к своим подданным, наличием во властных структурах значительного числа исполнителей роли «патронов» со своими «клиентами»⁹⁷ более выпукло просматривается традиция «азиатчины» в повседневной жизни россиян. Азиатством, отмечал

еще в XIX в. Н. Чернышевский, называется такой общественной порядок, при котором отсутствует законность и неприкосновенность прав гражданина, а от произвола и самодурства лишены защиты личность, труд и собственность. Тотальное насилие с неизбежностью порождает в качестве самозащиты такие черты поведения, как угодливость, услужливость и раболепство⁹⁸ со всеми обуславливающими подобную форму взаимоотношений негативным «выбросам» не только в нравственное состояние общества, но и в его политическую, социальную и экономическую сферы.

Последнее десятилетие XX в., пережитое Россией, показало, что несмотря на все попытки модернизировать различные базовые управленческие структуры по стандартам западноевропейских государств, «врожденность» стойкого традиционализма в системе властно-подвластных отношений продолжает сохранять себя на всех уровнях и по всей властной вертикали⁹⁹ – от президентских притязаний на роль «Отца отечества» до региональных и низовых социальных или производственных «доменов» со своими минифеодалами, характерными прежде всего для практик восточноазиатских стран бывшего Союза ССР: Туркменистана, Узбекистана и др.

Даже печально известный финансово-экономический кризис в августе 1998 г. своими корневыми связями уходил, отмечали специалисты, в созданную политико-экономическую систему, адекватную азиатским методам ведения финансовых операций, т.е. непрозрачным, закрытым от общества, полукриминальным отношениям собственности, личным приятельским взаимоотношениям, определяющих действие экономических механизмов. Беспрецедентные действия власти по

конфискации частной собственности и финансовых средств частных инвесторов (как российских, так и зарубежных), разорение десятков тысяч предпринимателей в произошедшем дефолте известный экономист А.Илларионов маркировал как проявление коммунистической ментальности¹⁰⁰, вытекавшей из свойственной большей части российского населения общинно-коллективистской солидарности, разрушение которой, как считают власть имущие еще со времен первых советских пятилеток, требует периодического «подхлестывания» страны (И.Сталин)¹⁰¹.

Российский тип правления с его специфически авторитарной формой взаимоотношения государства и общества вместе с тем не означает его полной идентичности с деспотиями Востока с их неограниченной и бесконтрольной властью, «...не стесненную никакими формальными правилами или законами и опирающуюся непосредственно на силу»¹⁰². Само пространственно-географическое соседство стран Европы не могло оказывать влияние на всю структуру общественных отношений, на взгляды, обычаи, основы жизненного уклада, нравственно-психологическое поведение жителей России¹⁰³. Одновременно это влияние, усиливавшееся с XVII столетия, «перерабатывало» в основном мировосприятие, духовный склад преимущественно тонкого слоя интеллектуальной, культурно-образованной части общества, пытавшейся влиять на идеологию, политику и психологию царско-императорской управляющей структуры, но не породившей заметных, устойчивых пертурбаций в народном сознании.

Приоритетную значимость для мировоззрения всех сословий России, в особенности крестьянского, имело восточно-византийское, церковное влияние на него

(В.Ключевский)¹⁰⁴, определявшее духовно-нравственное состояние общества и стимулировавшее особый тип взаимоотношений власти и подданных. Казалось бы, отделенное от повседневных житейских забот человека и озабоченное его духовной цельностью, византийство нашло свое воплощение и в беспределе царской власти Ивана Грозного, и рабской покорности его окружения, в массовых бессудных казнях не только соперников бояр, но и жителей подозрительных городов, превращение государя в «помазанника Божия», наместника Бога на земле, реанимировавшее себя в XX в., в десятилетия сталинского террора¹⁰⁵.

Небезынтересно отметить, что попытки трансформации советской командно-административной системы в российскую конституционно-демократическую завершились весьма своеобразно: в России в конце XX в., подчеркнул известный правовед, реанимировалось византийское право. Важнейшие его характеристики — **видимость** законности, перманентное насилие, интриги и ложь, подковерные схватки. В новые, внешне демократические формы управления как бы сами собой вернулись привычные технологии командования и навязывания воли властвующей элиты, различных групповых, корпоративных интересов¹⁰⁶.

Принцип желательности «крепкого и сильного хозяина», как уже отмечалось, экстраполируемый «снизу» на всю государственную машину в целом, органично вращается в самосохраняющиеся механизмы и стереотипы державной власти, внедряемых «сверху» во все поры русского (и не только) этнического организма. Если Н.Бердяев определял русских как народ восточный по своей «душевной структуре»¹⁰⁷, то он ориентировался прежде всего на его религиозную, духовную

зависимость от греко-византийской культуры, оставляя в стороне влияние «другого» Востока: азиатского, тюрко-монгольского, эксплицитно значимого не только для формирования подобия восточно-деспотического характера власти, но и спродуцировавшего структуру и содержание психического склада русского народа¹⁰⁸.

Процесс возникновения великорусской государственности (XIII–XIV вв.) развивался под сильнейшим влиянием и воздействием выработанных (и навязываемых) приемов и принципов управления золотоордынскими ханами собственной империей. Русское (Московское) государство восприняло и впитало в себя базисные из них, определивших всю последующую его историю: систему строгой дисциплины, жесткую централизацию власти с замыканием главных функций управленческой структуры на одном лице – верховном «вожде», этническую терпимость и религиозность¹⁰⁹. С определенной вариативностью эти базовые государствообразующие элементы Московской Руси, императорской России сквозь советскую эпоху «благополучно» перетекли (при наличии конституционно-узаконенного принципа разделения властей в постсоветский период) в российскую действительность XXI в. Несмотря на все общественные катаклизмы, в течение столетий потрясавших устои государственно-политического устройства, особенно в XX в., смену политических режимов и идеологических ориентаций, радикальных переходов к новым экономическим системам, всплесков политической активности широких слоев населения, перемен доминанты этнического стереотипа поведения, — представления о характере власти и взаимоотношений с нею в массовом сознании пока еще не претерпели радикальных изменений.

Но и субъекты российской власти мало изменились в понимании собственного статуса и уверенности в своей «надмирской» сакральности в судьбах государства и общества. Высказанная Иваном Грозным самооценка роли и функции русского самодержца в отношениях со своими подданными (см. эпиграф. — *В. С.*) проявлялась, с поправками на время, во всех последующих периодах российской истории, в том числе — и в постсоветское время. Типические черты самовласти (с одновременным разгулом долго ожидаемой действительной демократии, превратившейся в русскую, российскую вольницу) были продемонстрированы в 1990-е гг., когда высшие кабинеты и коридоры власти заполняли назначенные или приглашенные группировки людей с последующим их безжалостным изгнанием; явный фаворитизм, формирование небольшого коллектива из доверенных лиц («семьи»), оказывавших непосредственное влияние (через своего «Отца-благодетеля») на принятие решений, в которых как бы общегосударственный интерес тесно переплетался с частно-эгоистическим и групповщиничеством, также сыгравших свою негативную роль в стремительном расслоении общества на богатых и бедных. Подобный стиль управления, напоминая период правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) с его дворцовыми интригами и бироновщиной¹¹⁰, негативно сказался на развитии общества, с неизбежностью поставив вопрос о серьезной корректировке вектора его движения в направлении цивилизованной демократии.

Изменившийся режим власти, обеспечивающий определенную стабилизацию в социально-экономической и политической сферах (одновременно уменьшивший роль прежних демократических институтов: отме-

на выборов непосредственно народом губернаторов и лидеров субъектов федерации; сужение информационного пространства для выражения свободы слова и др. и вызвавшей недовольство у части интеллектуалов)¹¹¹, в некоторых чертах связан не только с индивидуально-личностными различиями между первым и вторым Президентами России в их понимании роли власти, демократии, средств массовой информации, взаимоотношений центра и регионов, а вызван, как мне представляется, более глубокими причинами, имеющими все признаки этноисторической тенденции, мучительно пробивающей себе дорогу.

Согласно оригинальной и достаточно аргументированной этноисторической концепции Л. Гумилева, в развитии российского суперэтноса с конца XX в. завершается самый драматичный период – фаза этнического надлома, – и происходит постепенный переход в более спокойную и позитивную по своим потенциям фазу инерции¹¹².

В одной из творческих дискуссий, посвященных анализу причин распада СССР и обсуждению проблем в развитии современной России, промелькнула мысль, что «Ельцин – наш Цезарь, а Путин – наш Август», но связавшая это наблюдение с превращением древнеримских властителей из республиканцев в императоров¹¹³. Однако мимоходом высказанное положение отразило фундаментальный сдвиг в этногенезе (не идентифицировать с социально-политической трансформацией) Древнего Рима, «менявшей» фазу этнического надлома на инерционную фазу, которая начала набирать силу именно с правления Октавиана Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) и через две тысячи лет как бы повторяясь в истории России.

4. СМЕНА ФАЗЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ВЛАСТЬ: В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН

«Переход к инерционной фазе ...выглядит как успокоение и начало созидательной деятельности после катаклизмов фазы надлома».

Л. Гумилев

«Период революций закончился. Наступила пора работы»

В. Путин

В стремительном и бурном потоке событий, захлестнувших все российское пространство в конце XX и начале XXI вв., сконцентрировался не только сгусток накопившихся и вновь возникающих противоречий и конфликтов общественного развития, но и поиски путей и способов их разрешения, выхода из того системного кризиса, в котором оказалась страна в последние годы прошлого столетия. Общий контур происходящих изменений очевиден: провозглашение властью необходимости «наведения порядка», достижение социальной и политической стабильности в сравнении с предшествующим периодом «смуты и волнений», постепенная и последовательная «борьба с бедностью» и др.

В структуре управленческих решений приоритетными для властных органов выделились следующие: разделение российской территории на семь федеративных округов и назначение в них представителей президента с главной целью — контроль над местными администрациями и приведение в соответствие с Консти-

туцией РФ и общероссийскими законами республиканских конституций и губернских законодательств; уменьшение числа административно-территориальных и национально-территориальных субъектов Российской Федерации¹¹⁴; укрепление вертикали власти, вырастающую в режим личной власти Президента, пронизывающую не только органы исполнительной власти (министерства, ведомства, комитеты и пр.), но и законодательной (Федеральное собрание, суды, Прокуратура). В общественно-политической сфере возрастающую роль играют принципы «управляемой демократии», «суверенной демократии», расширяющих претензии центральной власти на приватизацию самостоятельности региональных лидеров, общественно-политических объединений и средств массовой информации.

Сложившаяся в последние годы благоприятная конъюнктура мировых цен на поставляемое из России сырье (нефть, газ, цветные металлы, лес) способствовала позитивным изменениям в ее экономическом развитии и имущественном положении населения, обретению большей уверенности в будущем и снижению градуса в психоэмоциональном восприятии происходящих в обществе изменений¹¹⁵.

В русле характерной для российской истории зависимости общественного развития в значительной мере от воли центральной фигуры общегосударственной власти, артикулирующего свое видение общественных проблем и противоречий и предлагающего собственные рецепты их преодоления, В. Путин, например, в мае 2003 г. в ежегодном послании Федеральному собранию поставил задачу удвоения внутреннего валового продукта в предстоящем десятилетии. Согласно вековым традициям именно из уст чиновников прозвучу-

чала полная поддержка высказанному предложению, несмотря на реальность проблем перспективного развития России: сокращение населения (демографическая депопуляция) и уменьшение притока необходимой рабочей силы в общественное производство, возможное падение мировых цен на продаваемые сырьевые ресурсы, износ оборудования и предсказываемые специалистами техногенные аварии и т.п. Вероятно, несколько запоздалое осознание этих реалий вынудило властные структуры больше к этому вопросу не возвращаться.

Совершающиеся преобразования базовых компонентов общественного развития в условиях изменившегося режима власти (модификация роли региональных элит — все больше их подчинение центральной власти; инициация и поощрение процесса уменьшения числа субъектов федерации; ликвидация в информационном пространстве независимых от государства и неудобных ему газет и телевизионных каналов; отторжение оппозиции в маргинальную зону¹¹⁶ и др.), несмотря на критическую их оценку со стороны различных социально-политических движений, в основном происходят на фоне индифферентного наблюдения за этими процессами большей части населения. Подобное состояние массового сознания дало основание ряду аналитиков выразить сомнение в возможность позитивного развития страны, так как базовый субъект необходимых преобразований — российское общество, — по их мнению, «...пассивно, молчаливо, деморализовано»¹¹⁷.

Высказанная оценочная жесткость общей поведенческой доминанты значительной части населения конца 90-х гг. прошлого и первых 3—4 лет нового столетия охарактеризовала реальность его настроения, апатию и безучастность к различным деструктивным явлени-

ям российской жизни: росту преступности и участвовавшим террористическим актам; отсутствию в недавнем прошлом тепла, воды и света у десятков тысяч людей в различных регионах страны; задержке в выдаче заработной платы в ряде мест работникам науки, учителям и врачам, гибели сотен военнослужащих и дедовщина в армии и др. Индифферентность массового сознания видно и в отсутствии солидарных связей между различными сегментами общества в их протестных выступлениях, в противоположность тому, как это происходит в странах Европы и Америки, уменьшающемся числе активно настроенных людей в избирательных кампаниях и т.п.

На первый взгляд, все эти явления не связаны с этнологической проблематикой или с этническими феноменами, а специфика подобного поведения российских граждан объясняется наступившей социальной и экономической стабильностью и, в связи с этим, снижением политической активности после кратковременной ее вспышки в конце 1980-х — начала 1990-х гг., незрелостью гражданского общества, усилившимся давлением на СМИ, способных сыграть мобилизационную и объединяющую роль в протестном поведении.

Разительным контрастом периоду «застоя» предстают первые десятилетия двадцатого века в истории России с их накалом страстей и разгулом эмоций, многочисленными и непрерывными манифестациями и стачками, кровопролитными войнами и революциями, социально-политическими катастрофами и классово-сословным или политико-идеологическим взаимоистреблением, демографическими катаклизмами, радикальными переориентациями в экономических, идеологических и религиозно-нравственных приоритетах.

Головокружительная амплитуда качелей, в которой раскачивалась императорская и советская Россия первые две трети XX в. с ее постепенным затуханием к окончанию столетия (с кратковременными вспышками активности в основном за счет молодого, пассионарного по своему биологическому возрасту, поколения) рассмотрена и интерпретирована в тысячах томах и статьях историков, политологов, произведениях писателей, поэтов и т.д. Мне представляется, что существенную лепту в познание и понимание объективных, глубинных причин драматического развития России в прошлом столетии внес Л.Гумилев, который одним из первых (если не первый) с позиции этнологического анализа вскрыл и обосновал характер и особенности закономерной фазы в историческом генезисе русского, как и любого другого этноса, и российского суперэтноса — фазы этнического надлома¹¹⁸. Эта фаза в развитии этносов не единственная, она не первая и не последняя, но занимает особое место по тяжести последствий для индивидов, членов данного этнического коллектива¹¹⁹.

Для всех народов, переживших или переживающих в своем развитии этот исторический период, не одно десятилетие развития и не одно рождающееся и умирающее поколение связаны с острыми внутрисоциальными и политическими конфликтами, разрушающих структуру этнической системы, жестким противоборством различных социально-политических движений, борьбой партий со своими непримиримыми друг к другу харизматическими лидерами, размахивающими идеологическими и религиозными знаменами, кровавыми взаимоистребляющими гражданскими войнами, ярко выраженным изменением (в сравнении с предше-

ствующим периодом) стереотипом поведения людей, — т.е. идентичны тем процессам, которые разрывали, как уже отмечалось, Россию в XX в.¹²⁰.

В широком спектре мнений, так или иначе оценивающих драматический путь России в этом столетии, оказавшего вместе с тем значительное влияние на мировые общественные процессы, выделяются две основные точки зрения, аутентичные (с некоторыми вариациями) отношению к Октябрьской революции 1917 г.: для одних — это «величайшее событие в истории страны», для других — «проклятое событие в истории России»¹²¹. Не свободные от эмоционально-политической предвзятости, эти противоположные друг другу позиции характерны, отмечает автор статьи, не только для отечественных исследований, но мало чем отличаются от основных направлений ведущихся исследований о России на Западе¹²².

Теория этноисторического процесса позволяет с иных позиций, чем это принято, рассматривать имманентные российскому обществу причины глубокого, длительного кризиса, перманентно воспроизводившего себя от поколения к поколению. Период исторической драмы — фазы этнического надлома, — детерминирован не столько «злою волей» отдельных личностей, заблуждениями различных социальных групп, сословий, классов, влиянием импортированных теорий и идеологий, повальным увлечением мистикой, астрологией и пр. массовыми психическими эпидемиями¹²³, сколько с породившими их объективными негативными изменениями в развитии самой этнической системы, определяемой в качестве «возрастной болезни», возникающей у каждого народа приблизительно (с различной вариативностью) после шестиста лет (вмещающих фазу подь-

ема и фазу гиперэнергетического напряжения — акме) его появления на исторической «сцене» и проявляющей себя как «наиболее тяжелый период в жизни этноса»¹²⁴.

Для фазы этнического надлома в России, постепенно усиливающей свой негативизм с середины XIX в., было характерно снижение энергетического напряжения супер-этнической системы вовне (уменьшавшегося из-за растраты энергии в предшествующей «акматической»¹²⁵ фазе — XVI—XVIII вв. — результативной себя в образовании огромной Евразийской империи) за счет сокращения численности пассионарных (смелых, активных, жертвенных) личностей и повышением роли субпассионариев — агрессивных индивидов с асоциальным поведением, заполняющих собою общественное производство и политические движения, дающих волю вождельным инстинктам и проявляющих в экстримных ситуациях поразительную жестокость по отношению к своим классово-идеологическим противникам¹²⁶. В фазе надлома все накопившиеся противоречия, как правило, взрываются в острых социально-конфликтных формах (что и произошло в революционных катаклизмах первых десятилетий двадцатого столетия), этнос раскалывается на враждебные сословия, корпорации, партийно-политические объединения, религиозные и антирелигиозные группы; широкое распространение получают антисистемные идейные воззрения («кто не с нами — тот против нас!»), снижается нравственный уровень общества, разрушается резистентность (устойчивость) этносистемы в целом¹²⁷.

Несмотря на кажущуюся абстрактность и удаленность от повседневной жизни с ее ежеминутными противоречиями и конфликтами, так или иначе интерпретируемыми социологами и политологами, подмечаю-

ших любые перестановки в структурах власти или малейшие изменения в общественных настроениях, узкая этноисторическая, «пассионарная» концепция не менее глубоко и адекватно реальности объясняет, на мой взгляд, не только базовые причины во многом трагической российской истории XX в., но и выявляет основные источники системного общественного кризиса 90-х годов, последовавшей за ней стабилизации и перспектив развития России в XXI в. Предполагаемые ответы на трудные вопросы: «Как возможна Россия?» и «Куда идет Россия?», в исследованиях Л. Гумилева обладают не меньшей репрезентативностью, чем в работах других известных авторов¹²⁸. Он был одним из немногих историков, кто отказался от взглядов на драматизм российской истории XX в. как следствия только «исторической отсталости России», «большевистского заговора» и «ленинско-сталинского политического и идеологического экстремизма», «происков международного империализма и сионизма», агрессии фашизма и т.п. Последние же десятилетия канувшего в Лету столетия и наблюдаемые признаки нарождающегося нового предстают как «финал фазы надлома» и переход к «гармоничной инерции»¹²⁹, потенциально более благоприятной для развития российского суперэтноса в исторической перспективе.

Однако катастрофическое воздействие на этот период, деформировавшее структуру жизнедеятельности индивидов, оказали субъективистские ошибки и просчеты властвующей политико-экономической элиты в базовых сферах развития общества.

В заслуживающей внимания работе, посвященной многостороннему анализу изменившейся стратификационной системе российского общества в постсовет-

ский период, отмечается: «За годы реформ произошло беспрецедентное увеличение численности людей в России, которые оказались в социальном лифте, идущем вниз»¹³⁰. Вывод автора подтверждает положение упоминавшегося историка, утверждавшего, что фазовые переходы (смена фаз этногенеза) являются самыми тяжелыми моментами в жизни этносов и сопровождаются глубокими общественными кризисами¹³¹. Вместе с тем, на мой взгляд, именно от лидеров, харизматических вождей, легитимных и неформальных институтов власти, их способности к адекватному восприятию реальности и умению предвидеть результаты своего волевого давления во многом зависит степень деформированности этнического организма, острота и длительность этнической болезни.

Известный русский писатель Д.Балашов (один из самых последовательных пропагандистов теории этногенеза Л.Гумилева) утверждал, что знание специфики каждой фазовой ступени в развитии народов способствует, например, «...лучшему устройению власти...» в фазе высокого энергетического напряжения (акме) в этносе, предшествующей надлому, а в самой фазе надлома необходимо «...изо всех сил беречь таких людей, как Столыпин, и ...спасать традиции»¹³².

Мне представляется, что 1990-е гг. продемонстрировали совмещение двух российских кризисов: кризис общества в результате крутой ломки традиционных для советского периода функционировавших элементов (от хозяйственно-экономических, производственных до языковых, мобилизационно-идеологических), скреплявших разнородное, многонациональное население в «единую историческую общность», и кризис этнорусской и советской суперэтнической систем (как резуль-

тат распада СССР, война в Чечне и др.), регенерировавший болевые пертурбации этнофазового надлома с его страстным взаимоистреблением даже в мирные 30-е годы. Уставшие от длительных экстримов в прошлом, привыкшие за годы «застоя» к празднично-карнавальным мероприятиям по культурному взаимообогащению и обмену производственными достижениями, советские «социалистические» этносы вновь были мобилизованы глашатаями рыночной экономики и их покровителями к решению новых, необъясненных сверхзадач (тем более в кратчайшие исторические сроки) в отсутствии необходимой внутренней этнической энергетики. И как выражение этнического надрыва наступило быстрое вымирание населения.

Установлено, что одним из наиболее важных индикаторов жизнеспособности, самодостаточности этноса, устойчивости его психобиологической конструкции является соотношение рождаемости и смертности населения. В последние годы прошлого века смертность превысила рождаемость на семь с половиной миллионов человек. Но если за 1991–2000 гг. среднее превышение составляло около 641 тыс. человек в год, то за 2000–2002 гг. около 951 тыс. чел.¹³³. Сокращение населения России продолжается, несмотря на некоторые позитивные тенденции в экономике (рост ВВП в последние годы составил 6,5–7%). Уровень смертности превышал рождаемость в 71 регионе страны, а в 23 регионах число умерших было выше числа родившихся в 2–2,8 раза. Общее же число ушедших из жизни составило только в 2003 г. свыше 2 млн 160 тыс. человек¹³⁴.

Высокая смертность определяется не только возрастными причинами, в естественном вымирании людей пожилого и старческого возраста. В России она свя-

зана и с одним из самых высоких показателей в Европе суицида¹³⁵, разгула преступности, уносящего ежегодно свыше 30 тыс. жизней, аварий на производстве и дорожно-транспортных происшествий¹³⁶, усиливающейся алкоголизации населения¹³⁷, гибели военнослужащих в горячих точках и пр. Подтверждением этнической болезни всего организма является высокая детская смертность, увеличивающееся число рождающихся детей с явными признаками отклонения от здоровых психофизических стандартов. Массовое распространение среди российского населения в последние годы получили социальные недуги: туберкулез¹³⁸, наркомания, СПИД и другие болезни, указывающие на серьезные проблемы в развитии российского социума и в его этнической составляющей¹³⁹.

Выход из фазы этнического надлома в инерционную может быть не менее драматичным для этносов (народов) по своим возможным последствиям, чем и сам надлом. Например, мощная арабо-мусульманская империя (Арабский халифат) с конца IX в. испытывала нарастающие внутренние противоречия, в ней усиливались сепаратистские амбиции различных лидеров. С приходом к власти в 945 г. в западно-иранских землях одного из харизматических вождей-сепаратистов Арабский халифат достаточно быстро распадается на враждующие друг с другом отдельные государства¹⁴⁰.

Через тысячу с лишним лет сходные процессы проявили себя в последние годы существования СССР, когда субъективистские амбиции ряда лидеров обусловили, в совокупности с другими причинами, стремительный развал одной из наиболее крупных в истории империй¹⁴¹; вместе с тем в несомненную заслугу им

можно поставить недоведение нарождающихся конфликтов до всеобщего кровопролития, как это произошло в Югославии.

Исторические аналогии, как известно, нельзя абсолютизировать и использовать в качестве «универсальной отмычки» для объяснения сходных общественных явлений, но происходящих в «различной исторической обстановке»¹⁴². Однако нельзя не видеть, что в хаосе событий, разделенных сотнями и тысячами лет, происходящих в жизни и одного, и миллионов индивидов, в бесчисленных причинно-следственных связях и взаимодействиях между ними, в солидарной поддержке или в борьбе (нередко на взаимоуничтожение) крупных и мелких социальных объединений (партий, классов, движений), их лидеров и вождей проявляется нечто общее, идентичное, когда, казалось бы, разнородные, специфические для каждого народа процессы трансформируются в узнаваемые исторические модусы.

Сравнительный этноисторический анализ позволяет не только вписать российский XX в. (при всей его уникальности) в контекст мировой истории, но и высказать обоснованные предположения о возможных направлениях в развитии его базовых общественных конструкций. Как и у других народов, фаза этнического надлома, в которую Россия вступила с XIX в. и завершила в XX-м, закономерно последовала за «акматической фазой» с ее вулканическими выбросами во вне этнической энергетики, когда в течение 3-х веков (XVII–XIX вв.) территория Московской Руси, затем России расширилась, несмотря на проявлявшееся сопротивление, от Балтийского моря до Тихого океана, а население увеличилось с 14 млн в начале XVIII в. до

130 млн человек в конце XIX в. Конец же XX в. ознаменовался распадом, в духе мирного «развода», создававшегося в основном русскими союзного государства, а сам русский народ оказался этнически разорванным, наверное, впервые испытав на себе унижающее его достоинство и самочувствование весь комплекс ощущений этнического меньшинства в бывших союзных республиках.

В этногенезе российской суперэтнической системы начавшийся XXI век – период становления инерционной фазы и, вероятно, наиболее полного самовыражения ее потенциалов, направленности мотиваций, интересов, переориентации базового поведенческого стереотипа людей, выражающегося в подражании определенному идеалу. Исторический опыт народов, переживших инерционную фазу, – например, Древняя Греция: III–I вв. до н.э.; Древний Рим: I–II вв. н.э.; Киевская Русь: XI–XII вв. или пребывающих в ней стран Западной Европы, показывает, что этот период у большинства народов характеризуется укреплением и развитием различных социальных институтов, государственных органов и управленческих структур, ростом материального и культурного благосостояния населения. В европейских странах фаза инерции («золотая осень цивилизации»), начавшаяся с XVIII в., выразила себя в образовании сильных, суверенных национальных государств, в становлении и развитии капиталистического производства и рыночной конкурентной экономики, в технических и технологических достижениях, в укреплении правового государства, правового сознания и правовой культуры индивидов и т.д., – все, что с такими муками, конфликтами, неоправданными жертвами нарождается в современной России.

Российская Федерация — это не «отставшая цивилизация» и не «застрявшая цивилизация», как пишут некоторые политологи и культурологи¹⁴³, и даже не «догоняющая модернизация»¹⁴⁴, если учесть то обстоятельство, что в сравнении с Западной Европой ...«российский суперэтнос возник на 500 лет позже. ...Мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагают совсем иные императивы поведения»¹⁴⁵. Движение к стандартам западноевропейской модели цивилизации с ее развитыми демократическими институтами — это комплекс потенциальных возможностей, реализуемых в деятельности не одного поколения и с необязательной 100-процентной гарантией их конечного позитивного выхода в социальные практики. Значительная доля ответственности за выявление этих потенциалов, организацию благоприятных условий жизни для населения России ложится на плечи властвующих, управленческих элит.

Фаза этнической инерции — время стабилизации и упорядочивания взаимодействия элементов системы. Индивиды, пережившие все политические, экономические и нравственные потрясения, кровавые разборки противостоящих друг другу различных группировок, нуждаются в перспективной устойчивости своего бытия. Даже на уровне подсознания у большей части населения происходит отторжение бунтарей, желающих «броситься на амбразуры» за «счастье народное», но с плохо скрываемыми корыстными амбициями. Неоднократно сказанные фразы о том, что «Россия исчерпала лимит на кровопролитие», подтверждаются избирательными практиками: экстремистские группировки и их вожди в массовых предпочтениях не получают на

выборах более 4–5, 10–15% в сравнении с умеренными лидерами. Перевод воинственного и агрессивного поведения в желание жить по правилам «умеренности и аккуратности» позволяет участникам исторических перемен в этногенезе добиваться большего в достижении карьерных успехов, в творческой и любой профессиональной деятельности, копить состояние и передавать его следующему поколению.

Попутно замечу, что именно изменение самого типа этномассового поведения ставит под сомнение обоснованность выдвигаемых «сверху» мобилизационных предложений, рассчитанных на краткосрочное выполнение, как, например, о чем уже говорилось выше, призывы удвоить в течение нескольких лет внутренний валовой продукт¹⁴⁶.

Если наркотическое воздействие революционных фраз способно в одних условиях возбудить политический и психоэмоциональный ресурс в массах, добиваясь, несмотря на жертвы и лишения, определенных целей¹⁴⁷, то в изменившихся обстоятельствах и исторической обстановке, когда «израсходована» значительная часть носителей энергетического потенциала, старые приемы властвования и управления (вождизм, принуждение) деформируют этническую структуру и сокращают возможность этносистемы к позитивному саморазвитию. Доказательством могут послужить результаты во многом утопической (по срокам выполнения) модернизации посткоммунистического социального пространства России.

Переход в новую этноисторическую фазу ставит перед властными структурами сложные задачи по изменению методов и методологий управления, выработке оптимальных технологий для привлечения населе-

ния к осуществлению выдвигаемых планов по совершенствованию основных сфер общественной жизни. Необходимость подобных трансформаций в управленческой деятельности вытекает, на мой взгляд, из следующих главных проблем российской действительности, без решения которых само существование полиэтнического государства представляется в исторической перспективе мало вероятным.

1. «...Наша высшая и главная цель, – говорил А.Солженицын в Государственной Думе в 1994 г., – сбережение нашего народа. ...Сбережение его физического бытия, его нравственного бытия, его культуры, его традиций»¹⁴⁸. Эта высказанная в сжатой форме программа сохранения базовой российской субстанции, была обращена непосредственно к власти в связи с ярко проявившимся процессом катастрофической депопуляции прежде всего русского этноса, самого многочисленного субъекта Российской Федерации»¹⁴⁹, без которого, вероятнее всего, Российская Федерация прекратит свое существование.

Двенадцать лет спустя власть с подобающей ей серьезностью как бы «откликнулась» на призыв известного писателя. В мае 2006 г. в ежегодном послании Федеральному собранию Президент Путин назвал демографию «самой острой проблемой в современной России», одновременно предложив ряд конкретных мер по стимулированию рождаемости в стране¹⁵⁰. Проявленное внимание к процессам воспроизводства населения связано, очевидно, с ростом экономических и политических возможностей государства влиять на динамику рождаемости в позитивном направлении, однако проявлявшаяся индифферентность сыграли свою роль в депопуляции (превышение смертности над рож-

даемостью) российского населения: «Мы теряем две тысячи человек в день», — такие заголовки в печатных органах мало кого удивляют¹⁵¹.

О стремительном вымирании российского населения говорилось выше. Расчеты демографов показывают, что к середине XXI в. в Российской Федерации, если не будут приняты решительные меры, останется не более 70–80 млн человек, что приведет к непредсказуемым последствиям для страны в целом. Это будет население с деформированной структурой: значительное превышение пожилой и женской части над трудоспособной и мужской¹⁵², а подобная структура населения — преддверие его неизбежного и ускоренного вымирания, грозящее потерей контроля над российским этнопространством. Например, в граничащих с Китаем регионах Дальнего Востока и части Сибири проживает, по оценкам специалистов, от 17 до 20 млн человек, а в соседнем государстве — свыше 120 млн человек, испытывающих территориальный дискомфорт и, по-видимому, совершающих целенаправленную этническую диффузию в Россию. По расчетам некоторых наблюдателей в Хабаровском крае и в соседних областях уже проживает не менее миллиона китайцев.

Готова ли российская власть, артикулирующая себя «руководящей и направляющей» социально-политической и нравственной силой, учесть исторический опыт других стран и народов, особенности человеческого «материала», вступающего (и действующего) в новую фазу своего развития? На смену экспрессивным и агрессивным индивидам с выбрасывающими в течение десятилетий фазы надлома в окружающий мир установки «грабь награбленное!» и «ломать не строить!», в активную жизнедеятельность вступают и заполняют эт-

носистемное пространство трудолюбивые и более законопослушные «обыватели» с более уравновешенной психикой и с меньшими глобалистскими претензиями и амбициями¹⁵³. Принцип «живи и жить давай другим!» манифестирует себя как достаточно распространенная доминанта поведения социальных, экономических и этнических субъектов, обязывающих политического субъекта — власть — поддерживать доступными ему средствами эту перспективную ориентацию людей и, напротив, пресекать возможные гражданские и военные конфликты.

Каков бы ни был «список» актуальных мер по сохранению этнического субстрата в России, включающего в себя значительное расширение социальной составляющей (как альтернатива военно-оборонной) государственного бюджета в исторически обозримом будущем (стимулирование рождаемости, охрана материнства и детства, приоритетная финансовая поддержка культуры, образования, медицины и т.д.), его исполнение на практике не даст эффекта без нейтрализации великодержавных амбиций и стереотипов имперского сознания значительной части населения. Вызывающий удивление симбиоз представителей власти и подданных по этому признаку, их идентификация деформирует сам процесс перехода в «гармоничную фазу», задерживая и растягивая его болезненные симптомы в историческом пространстве. Архаичные, подсознательные психологические установки «свой — чужой», «мы — они» стимулируются нередко средствами массовой пропаганды, способствующих пробуждению инстинктов борьбы и выталкивающих на поверхность «животную» агрессию¹⁵⁴, подстегивающую реваншистские устремления и возбуждающие ностальгию по «былому величию».

В этом — одна из причин инициированных властью двух кампаний в Чечне, в которых, по подсчетам Комитетов солдатских матерей, погибло не менее 25 тыс. военнослужащих, абсолютное большинство которых — потенциальные отцы семейств, физические создатели российского суперэтноса. И если «смертную» статистику из-за аварий, алкоголизма, суицида и пр. в ближайшие годы вряд ли удастся радикально изменить в позитивную сторону, то участие или неучастие в военных конфликтах (вспомним об Афганистане) всецело зависит от позиции политического руководства государства.

2. В последние годы и месяцы в различных регионах и субъектах федерации (в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, в национальных республиках, например, сентябрьские 2006 г. события в Карелии и др.) отчетливо проявилась тенденция к расширению и усилению ксенофобии, этнофобии, этноцентризма, национализма и расизма¹⁵⁵. Эти достаточно устойчивые психоэмоциональные настроения у представителей различных субэтнических групп оказались способными захватывать сознание и определять поведение не только отдельных людей, но и социальных, профессиональных групп (например, молодежи, силовиков, представителей властвующих элит), создавая зоны высокого напряжения в различных ячейках российского социума (рынки, сферу обслуживания, общежития, учебные заведения, анклав беженцев). Обусловленные причинами объективного и субъективного порядка (сокращение рабочей силы в том или ином субъекте федерации у коренного населения требует ее восполнения за счет притока мигрантов; разрушение системы интернационального воспитания как «советско-

коммунистической» и подмена ее вялыми призывами «соблюдать этническую толерантность»; этническая конкуренция в престижных профессиях), – этнонационалистические проявления как опасные психоневротические формы восприятия «других» и отношения к ним, оказывают существенное влияние на возбуждение негативного в общественном развитии.

С одной стороны, взаимонастороженное или доброжелательное отношение к представителям «не моей» этнической группы (этносу, нации, расе) с их культурно-языковой, быто-традиционной, психо-поведенческой спецификой являются реальной, имманентной доминантой как индивидуального, так и общественно-исторических процессов развития, отграничивающих и отдельных людей, и этносы друг от друга.

С другой – доведение существующих уже на уровне подсознания эмоциональных предпочтений в виде «симпатий-антипатий» к иноэтническому до опасного уровня в значительной степени зависит от позиции и действий (или бездействия) управленческих органов – как федеральных, так и региональных, – и подконтрольных им средств массовой информации, зачастую транслирующих и артикулирующих негативные стереотипы индивидуального и массового сознания. Эти стереотипы достаточно легко и быстро экстраполируют «обиду» за свое социально-экономическое и бытовое неблагополучие, роста преступности и т.п. только на «приезжих», «иностранцев», «чужаков»¹⁵⁶. Одновременно, нельзя ни обратить внимание на то, что со стороны иммигрантов, «приезжих» не всегда учитываются этнические, бытовые традиции и обычаи, образ жизни коренного населения. Все опросы общественного мнения последних лет демонстрируют возрастание не-

гативизма, перерастающего в реальные преступления на национальной почве, по отношению к «чужакам» (чеченцам, «лицам кавказской национальности», евреям, азиатам, «черным») у 40–50% населения, в том числе и молодого поколения, значительная часть которого поддерживает (или готова поддержать) националистический экстремизм¹⁵⁷.

Представители власти, руководящие структуры, решая для себя краткосрочные, сиюминутные задачи по «облегчению» методов управления населением, используют древнеримский принцип «разделяй и властвуй!», рискуя оказаться перед неразрешимой проблемой в перспективе: быстрая сокращаемость численности русских требует своей компенсации (для заполнения социально-демографических лакун) за счет притока мигрантов. Именно они могут способствовать сохранению российского суперэтнуса с помощью межэтнического симбиоза, ростом межэтнических браков, однако, реальным препятствием для которых служит атмосфера растущего взаимного недоверия и враждебности.

Исторический опыт показывает, что вхождение народов в инерционную фазу меняет стереотип поведения с агрессивного на более миролюбивый и доброжелательный, инициирует расширение правовых основ функционирования всех общественных институтов, в том числе и в сфере межэтнических отношениях, ограничивает роль традиционно-архаических основ их существования. В фазе инерции совершается постепенный переход от жизни «по понятиям», проявляющегося эмоционально-превалируемого компонента в поведении людей, к жизни «по закону», «по уму» (С.Соловьев).

Однако объективно-историческая заданность ожидаемой «модернизации» этносистемы не означает автоматизма и преуменьшения роли субъективного фактора, дискредитации значимости управленческих структур в совершающихся преобразованиях. Не всегда адекватное реальным поведением власти, нередко проявляемая неготовность абсорбировать в своей деятельности возникающие тенденции и процессы, выявлять в них «основные звенья» и т.д., задерживает общественное развитие, приводит к дистрофии социальных структур, когда, как говорили классики, объективные условия возникают, но субъективный фактор не достигает необходимой зрелости и общество может оказаться в состоянии длительного гниения.

3. В фазе инерции с неизбежностью должны произойти изменения в характере и структуре федералистских отношений. Не погружаясь в более отдаленную историческую реальность с его командно-административным квазифедерализмом в СССР, можно отметить, что после его распада суверенная Россия проходит второй этап в развитии федерализма. Первый, обусловленный шоковой модернизацией 90-х г. прошлого века, выразился в небезызвестном «параде суверенитетов» республик и губерний, проявившемся со стороны субъектов федерации принуждением Центра к подписанию договорных отношений, попытками самого Центра навести «конституционный порядок» в мятежной Чечне с десятками тысяч жертв и др., — закончился с избранием нового Президента и постепенно установившимся, в короткие исторические сроки, новым режимом власти.

Достаточно быстрое изменение самой атмосферы во взаимоотношениях Федерального центра и субъектов федерации, происходящее, как ни странно, также

в рамках действующей Конституции, отражает четко выраженную тенденцию к установлению авторитарной модели федерализма, объясняемой необходимостью «укрепления вертикали власти» и борьбой с «международным терроризмом». Это — второй период.

Механизмы для возвращения к привычным способам властвования просты и проверены многолетними практиками: изъятие у субъектов федерации большей доли бюджетно-финансовых средств в пользу «общегосударственных интересов» (если в 1990-х гг. это соотношение было установлено в пропорции 50% на 50%, то в последние годы — 60 на 40, 70 — на 30%); отмена выборов губернаторов и республиканских лидеров; силовое давление (использование органов прокуратуры, федеральной службы безопасности, судебных инстанций) на региональные структуры; морально-политическое воздействие на лидеров субъектов федерации (изменение состава Совета федерации с помощью новой технологии его заполнения, поддержка «удобных» для центра губернаторов и республиканских Президентов в предвыборных кампаниях, использование административного ресурса и средств массовой информации для дискредитации «строптивых» и пр.).

Некоторая оправданность и моральная легитимность проявившегося крена в централизацию федерализма как противовеса периоду «разброда и шатаний», на мой взгляд, в исторической перспективе не сможет принести ожидаемых дивидендов от ужесточения властной вертикали с целью укрепления государства. Инерционная фаза, как показывает опыт других народов, инициирует движение к свободе (не идентичное анархии, вольнице, хаосу) — как индивидуальной, так

и групповой, сословной, национальной, ограничиваемой добровольно воспринятыми правовыми нормами и правилами.

И древнеримский император Август с его суровым контролем за наместниками в провинциях и бескомпромиссной борьбой с коррупцией местных администраций в I в. н.э.; и древнерусский Великий князь Ярослав Мудрый с «Русской Правдой», установивший правовую защиту жителей на всей территории государства в XI в.; и крушение абсолютистских режимов в Западной Европе в конце XVII – начале XVIII вв. с переходом в «Век Просвещения» с его демократическими, гуманистическими ценностями и т.д., – все эти «разбросанные» по европространству и на столетия удаленные друг от друга сходные явления выразили специфику инерционной фазы этногенеза.

Один из важнейших принципов федеративного союза – соотношение прав и обязанностей центральных органов власти и субъектов федерации. Демократическая форма федерализма (Германия, Канада, США, Швейцария) предполагает, что входящие в единое государство земли, провинции, штаты, кантоны и пр., несут не только определенные обязанности, или как в СССР, в соответствии с исторической традицией, привычное «тягло» и «повинности», но и обладают неотъемлемыми правами не только в решении своих, но и общегосударственных вопросов.

Федеральный центр владеет не только правами распорядиться и привлечь к ответственности нижестоящие органы, лишь через себя выразить «общегосударственный интерес», но и несет обязанности по отношению к каждому отдельному субъекту федеративного союза, его населению, этническим сообществам и т.д.

Центральные органы ответственны за социально-экономическое и культурно-нравственное развитие каждого объединившегося в единое государство субъекта. Однако в системе укрепляющейся «вертикали власти» происходит неоправданное и опасное смещение в сторону наделения авторитарными полномочиями органов центрально власти и ее лидера и наложения все больших обязанностей на субъекты федерации.

В Конституции Российской Федерации, уважение к которой постоянно артикулируют представители управленческой элиты, нет положений о «государственной вертикали», «вертикали власти», но есть четко зафиксированный 3 пункт 5-ой статьи: «Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, *равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации* (курсив мой. — В.С.)».

Для меня несомненно, что руками авторов этой статьи в 1993 г. двигал исторический (этноисторический) Промысел, сумевший внушить им в кризисной ситуации реанимации этнического надлома идеи, соответствующие фазе инерционного развития с ее позитивными потенциями, требующими своей реализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все переживаемые этносом (народом) фазы этногенеза — суть некоторые временные (длящиеся десятилетиями и столетиями) «отрезки» его жизни, в которых полноценно проявляет себя его развитие; для каждого периода характерны различные уровни пассионарного напряжения (внутренней энергетики) как этнической системы в целом, так и отдельных индивидов (этнофоров). Пассионарность, уровень активности сублимируется во все направления в этночеловеческой жизнедеятельности: миграционную, демографическую, военную, хозяйственную, идейно-политическую, художественно-эстетическую и т.д., претворяясь в создаваемые людьми материальные и духовные продукты — в культуру. Да и сама степень пассионарности различна на разных стадиях развития этноса, определяя его «историческое лицо» и в масштабных, и в локальных общественных процессах. Каждой фазе имманентен свой социально-значимый поведенческий императив, определенный стереотип целенаправленных действий основной массы индивидов, несмотря на поколенчески-возрастные, гендерные, классово-сословные, профессиональные и др. различия между ними. Все известные в истории народы прошли в своем развитии фазу появления на «Свет Божий» и интенсивного роста своей численности, пассионарного напряжения (подъема), фазы максимальной энергетической зрелости, фазы надлома, фазы стабилизации и медленного угасания, но сохраняя реальную возможность возрождения в другой этнической системе. Жизненное пространство этноса — приблизительно 1200–1500 лет.

Но и в жизни каждого отдельного человека отчетливо видны особенности чувственно-практической, мыслительной деятельности и заметна несхожесть поведенческих актов в различных периодах его социобиологического цикла, таксономически «разбиваемые» на стадии рождения и детства, юности и молодости, зрелости, возрастного надлома (климактерии), старости и смерти. В своем онтогенезе индивид в сокращенном, концентрированном виде как бы повторяете и воспроизводит процесс филогенеза человека как вида, человечества в целом. Философ П.Карсавин заметил, что «история индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще... Личность индивидуализирует тенденции эпохи, национальности, культуры...»¹⁵⁸. Более того, в произведениях культуры проявляются и возрастные различия создававших их авторов (молодость, зрелость, старость) в живописи, музыке, литературе, поэзии и пр.

Например, погружаясь в изумительные по художественной красоте, богатству чувств и мыслей стихи и поэмы таких поэтических гениев, как Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Блок, Есенин, Цветаева и др., постоянно сожалеешь о том, что они слишком рано погибли или умерли, не успев еще более обогатить русскую культуру произведениями своего зрелого, «седовласого» возраста; но нельзя не видеть, что они обладали поразительной способностью проникать в психологию людей этой категории (достаточно вспомнить «Бориса Годунова» Пушкина или «Маскарад» Лермонтова). Читая же произведения Тютчева, Фета, Пастернака, Ахматовой, проживших достаточно долгую жизнь, чувствуешь, как в их творчестве, любовной лирике с поразительной ясностью манифестируются из-

менения в психоэмоциональной энергетике, связанных именно с возрастными различиями поэтов в их индивидуальном жизненном пространстве. Юношески обостренное восприятие окружающего мира, людей, любимых, природы, общественных явлений перерастает в мудрую печаль (вспомним «Экклезиаст») зрелости.

Мне бы хотелось внести свою посильную лепту в разъяснение или обоснование высказанных положений с помощью собственных стихотворных упражнений, которые стали меня тревожить в последние год-полтора моей жизни. Переполненный воспоминаниями о прошлом, еще сохраняя и ежедневно испытывая достаточно сложную гамму чувств в настоящем, наблюдая за взрывами страстей в поведении как близких мне людей, так и далеких (книги, телевидение, радио, слухи), впадая, как и все, по тому или иному поводу в состояние радостного возбуждения, или, напротив, в настроениях печали и тоски, — я попытался в стихотворной форме выразить те чувства и эмоции, которые овладевают нашими умами, душами и сердцами в разные периоды жизни, и они в зрелом возрасте «седых волос», как мне теперь представляется, не менее остры и глубоки, чем в молодости, но теперь и я лично, и мои сверстники можем их лучше контролировать и осмысливать с помощью того тоненького культурного слоя сознания «Сверх-Я», о котором писал старик З.Фрейд.

Для демонстрация определенного сходства процесса этногенеза с индивидуальной жизнью человека, мною использована историческая периодизация нашего выдающегося ученого Л.Н.Гумилева, сына замечательных отечественных поэтов — Н.С.Гумилева и А.А.Ахматовой.

1. **Фаза подъема** у этноса периоды детства, юности и молодости у отдельного индивида: для первого — это становление в результате пассионарного толчка и бурного развития самой этнической системы, резкий рост ее активности, сопровождаемый демографическим взрывом, завоевывания себе «места под солнцем» нередко за счет соседей и т.п.; для второго — это познание жизни, людей, обретение собственной «Я-идентичности», острота чувств, влюбчивость, детская и юношеская непримиримость. Чувственность молодости я выразил так:

С ума схожу от дивной красоты,
От черных глаз — пронзительных и робких;
Уходишь — вслед шепчу: — «Постой! Куда же ты?
Оставь на память мне свой голос кроткий!»

Я ненавижу хлопнувшую дверь,
Тебя укравшей, от меня закрывшей;
Будь проклят лифт: как ненасытный зверь
Схватил в объятья, жадно проглотивший!

Как завести часы, остановивших день?
Застывших стрелок копья — разломать бы!
Всем, кто твою тревожит даже тень,
Желаю в тайне «не дожить до свадьбы!»

Но — «Кончен бал!.. — и встречных толп глаза
Ласкают душу; жизнью не оплатишь!
Я лифт боготворю: он возвратил тебя,
Я дверь целую, распахнувши настежь!

Твой чарующий голос
Нежным звуком манит,
Мягкий девичий волос
Аромат подарит!

Рук хрустальных объятье
Словно обруч сожмет:
Тихих стонов кровати —
Кто любил, тот поймет!

Вернись!

Ты не знаешь, что значит: ждать!
Ты не видишь, как рвутся сосуды!
Как меж пальцев летит умирать
С криком боли на пол посуды!

Я молю сквозь пространство: — «Вернись!»
Без тебя я — блуждающий путник;
С кем ты рядом сейчас — простишь!
Возвращайся — хоть в Ведьминой ступе.

2. **Акматическая фаза** в развитии этноса — это время наивысшего пассионарного напряжения, его возмужалости, интенсивности, время наиболее заметных исторических событий; для отдельного человека (35–50 лет) — период расцвета интеллектуальной и деловой активности, наполненности жизни, карьерных успехов, признания. Не случайно древние греки 45-летний возраст называли «возрастом акме» — периодом высшей мужской зрелости. Полнота и сила чувств не меньшая, чем в молодости, но она уже более осмыслена:

Признание

Я так боюсь тебя любить!
Во мне еще живут другие,
И страсть я знаю не впервые,
И слов прощальных не забыть.

Но ты уже болезнью цепкой
В меня вошла, и как суметь
Над этой слабостью взлететь?
Иль тихо помолиться в церкви?
Да! Я хочу тебя любить!
Я жду страданий возвращенье
И встреч желанных наслажденье,
Что б вновь узнать, что значит жить!

Моей «Лолите»

Не доказать тебе, что страстная любовь
Жжет душу в юности и в возрасте седин;
Промчались года, но взорвались вновь
Те чувства, что не ведают морщин!
 Как сердце бьется бешено в тот миг,
 Когда коснусь тебя в случайной встрече!
 И пыткой мне твой равнодушный лик:
 Что я, что осени ненастный вечер...
Но взглянешь — словно острые клинки
Рвут тело! Кровь несется лавой
По коже; вот ее куски
Пылают подо мною в луже алой!..
 Так безнадежно пропадает жизнь
 В безумных рокотах земных страданий;
 Но чем она была б, не одарив
 Букетом всех несбывшихся желаний?!

3. **Фаза этнического надлома** уже охарактеризована выше в самой работе. Для индивида (возраста примерно 50—55 лет) этот период связан с болезненным душевным и психическим надрывом, временной дезорганизацией функций организма, ослаблением деятель-

ности сердечно-сосудистой системы, интеллект- туал-ной и моральной неудовлетворенностью – все то, что связано с так называемым климактерическим периодом. Разочарование жизнью, уход из семьи («седина в бороду – бес в ребро»), алкогольное забытие – в этом возрасте нередки.

Август уходит...

Е.С.

Как быстро небеса темнеют!
Вновь лету говорим: – «Прощай!»
Нет буйства жизни, даль тускнеет,
Тревожней стал собачий лай.
В твоих глазах печаль густеет,
В улыбке – скуки маета;
И странно: все вокруг глупеет, -
Но кто-то плачет у окна...

Прости!

Н.В.

Как трудно жить с больной душою!
Врагом, не вера никому,
Ревнивым, проклятым судьбою
Я в мир пришел, как на войну,
 Кто радости от встреч со мною
 Хоть раз по жизни испытал?
 Где он, что крышкой гробовою
 Укрыт, кому я руку жал?

И слезы женщин не забыты,
Чьи души ранил невпопад
Насмешкой злою; слов обидных
Захочешь – не вернуть назад.

Ты возложи свое прощенье
Рукою кроткой на меня;
Пусть будет светлым утешеньем
Моих раскаяний слеза...

4. **Фаза инерции** для этноса также рассматривалась в работе (все же лучше об этом читать у создателя теории фаз этногенеза – Л.Гумилева); в жизни индивида заметно наступление периода стабильного равновесия с окружающим миром и с самим собой, приходит понимание пределов возможного удовлетворения своих желаний; «золотая осень» (55–70 лет) – это время заслуженных наград, появление внуков, гармония чувств – «блаженство и безнадежность!» (Ф.Тютчев).

Романс

Л.А.

В грустных мечтаниях ночь провожу,
Легким туманом покрыта земля;
День наступает и я выхожу
В город, где может увижу тебя.

Грохот метро и шуршание шин,
Тысячи глаз и биенье сердец
Вдруг мне напомнят, что я еще жив,
А за углом притаился конец.

Но, улыбнувшись при встрече со мной,
Чуткой ладонью коснувшись плеча,
Ты возвратишь мне душевный покой,
Радость вернешь одиноким ночам.

Прощанье

Н.В.

Грустный взгляд на прощанье у синих ворот,
Чуть таинственный ласковый девичий лепет;
Я смотрел, как тебя украдет поворот,
Слышал эхо шагов затихающий шелест.

Ты ушла... Навсегда? Где-то колокол вскрикнул,
Ветерок шевельнул седину у виска;
Воробей мне с березы устало чирикнул, -
И осталась в душе безнадежья тоска...

Ты в тревожных ко мне возвращаешься снах,
В тихом шорохе листьев кленовых опавших,
Что с улыбкою доброй смотрели на нас,
По дорожкам измученным нас провожавших.

Голос грезится твой в звуках нежной мелодии,
Ты — в прощальных мольбах уходящего дня;
Тихо плачет в душе песнь печальной рапсодии,
И вечерняя тень обнимает меня..

5. Для **фазы обскурации**, плавно переходящей в **мемориальную фазу**, имманентны снижение пассионарного напряжения в этнической системе до уровня, при котором отсутствует потребность в значительных целях и больших результатах, развитие тускнеет, в норме — довольствие малым, в общественном развитии — тихое брожение. Для индивида (свыше 70–75 лет) — это наступление старости, болезней, затухание эмоций (конечно, есть исключения, а в современном обществе их количество стремительно растет), жизнь продолжается по принципу «хоть день, да мой!», имеющаяся в запасе энергия расходуется на многочасовые сидения на скамейках, игре в домино, а в чувствах — усталость, уныние, зависть; иногда — коротенькие «взбрыкивания».

В.С.

Помнишь, на даче, мы ели шашлык,
Громко смеялись и пили вино,
Рядом сидели, плечами впритык –
Может недавно, но все же давно.

Волосы седые, морщины гнетут,
Кликнешь кого-то, а отзвук – пустой
Радостей меньше и в сердце недуг;
Сбоку маячит Старуха с косой.

Мы насладились годами взахлеб!
Что не свершилось по жизни – простим;
Просто подарим кому-то на счет
Наши надежда и наши мечты.

Старик и девочка

Как сладка молодость, как чувственность жива
В твоих губах, движениях, звонком смехе!
И к небесам летит моя мольба:
Хочу сменить осенний год на летний!

Ты душу от греха закрыла на засов,
И немощной руки посланья рвутся в клочья;
Зачем нужна девочке та любовь,
Что старца мучает и днем, и ночью?

Злой чертик надсмеялся надо мной,
Вильнул хвостом – и спрятался в чулане;
А из-за туч Амур своей стрелой
Шутя нанес другую сердцу рану!

Пора поэта вспомнить приговор,
Коль прыгаешь шенком задорным:
Смешон «сварливый старческий задор»,
Он «старческой любви позорней»!

6. Мемориальная фаза – процесс окончательного распада этнической системы, потеря ею внутренней энергетики но при сохранении реальной возможности передать часть своих культурных ценностей новым этносам; например, разложение древнерусский народности (Киевская Русь) привело к образованию новых народов: великороссов (русских), малороссов (украинцев) и белорусов. Потеря жизненной энергии (витальности) отдельным индивидом также означает смерть, но продолжают жить дети и внуки, более или менее долго живут результаты его рукотворческой и интеллектуальной деятельности, жизнь продолжается, и далеко не случайно одна из последних книг Л.Гумилева называлась «Конец и вновь начало»!

Завещание

Будет день или ночь, я уйду навсегда,
Голос смолкнет, в глазах остановится жизнь;
Ваши стоны уже не затронут меня,
И навеки застынет последняя мысль.

Кто-то скажет: – «Не жаль, что калека подох!»,
Кто-то вспомнит, как грустные песни я пел;
Проводите меня на печальный Погост, –
Молча примет Семья разложившихся тел.

Бросьте горстку земли из ладони своей,
Пусть тепло ваших рук сохранится в песке;
Позовите к прощанью немногих друзей:
Может я отражусь в чьей-то чистой слезе.

Я прошу, не забудьте, что сердце мое
Звонко билось когда-то в родной стороне,
Где березы с цветами о чем-то своем
Тихо песни поют, приглашая к себе.

Пусть они на закате чуть-чуть погрузят
Обо мне, об ушедшем в безбрежную даль
Заболевшим ребенком, и верю простят,
Что не смог я вернуть им сердечную дань.

К вам, живым, обращаюсь с последней мольбой:
Не судите, как был я меж вами — труслив или смел;
Просто жаль, что бесследно исчезнет со мной
Та любовь, что я вам подарить не успел.

Примечания

- ¹ О сгустках негативизма во власти см. у отечественных авторов: *Антоян Ю.М.* Тени прошлого. М., 1996; Идолы без маски или искушение властью. Документальные повести. М., 1996; *Топольянский В.* Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М., 1996; *Коржаков А.* Борис Ельцин: От рассвета до заката. М., 1997; *Князев Е.В.* Власть отвратительна. М., 2000 и др. (работы Д.Волкогорова, Р.Медведева, Э.Радзинского и др.).
- ² Цит. по: *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 116; Ф.Ницше отмечал, что счастье — это «чувство растущей власти»...
- ³ Цит. по: *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. С. 524. О различных точках зрения на феномен власти см.: *Болл Т.* Власть // Полис. 1993. № 5. С. 36—42.
- ⁴ *Канетти Э.* Масса и власть. М., 1997. С. 305.
- ⁵ Р.Арон определял власть (могущество) как «способность одного человека определять поведение другого или других. В этом смысле у каждого есть минимум власти» (*Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 115).
- ⁶ См.: *Ильин М.В., Мельвиль А.Ю.* Власть // Полис. 1997. № 6. С. 150.
- ⁷ См.: *Гумилев Л.Н.* Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. С. 39—56, 285, 289; *Лебедева Н.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С. 18—19; Этнопсихологический словарь /Под ред. В.Г.Крысько. М., 1999. С. 320—321 и др.
- ⁸ Подробнее о содержании понятий «народ» и «этнос», их тождестве и различии см.: *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 7—56.
- ⁹ См.: *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 101—108; *Он же:* Конец и вновь начало. М., 1994. С. 58—60.
- ¹⁰ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. С. 107.
- ¹¹ См.: *Пестель П.И.* Русская правда // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 4. М., 1972. С. 59.
- ¹² В этой связи следует обратить внимание на знаковую подборку высказываний о Петре I как «о типичном русском человеке» в книге: *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. Иваново, 1994. С. 85—94.

- Можно напомнить и высказывание Н.А.Бердяева: «Ленин был типически русский человек» // *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма.* М., 1990. С. 94.
- 13 См.: *Кувалдин В.Б., Малютин М.В.* От «электоральной пирамиды» к «партии власти» // *Полис.* 2004. № 1. С. 38 и др.
- 14 См.: Там же.
- 15 Можно напомнить, что со времен Московского царя Ивана III (XVI в.) титул «государя» означал то же, что слово «хозяин»; рабы и слуги называли своего хозяина государем (*Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 184).
- 16 *Итоги.* 2001. № 3. С. 15.
- 17 См.: *Третьяков В.* Кто будет президентом России в 2009 году? // *Независ. газ.* 1998. 16 янв.
- 18 Например, проведенные в октябре 1997 г. ВЦИОМ социологические исследования показали, что отрицательное отношение русские проявили: к украинцам – 7%, татарам – 14%, евреям – 16%, к азербайджанцам – 35%, цыганам – 44%, чеченцам – 51% опрошенных (Родина. 1998. № 7. С. 21). Следует подчеркнуть, что эти цифры не стабильны и могут колебаться в ту или другую сторону в зависимости от обстоятельств.
- 19 См.: *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 646–647.
- 20 См. подробнее: *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. М., 1996. С. 64–75.
- 21 См.: *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 61–64.
- 22 См. подробнее: *Русский народ: терминология, исследования, анализ.* Жуковский–М., 2001.
- 23 По проблемам сущности «этноса» и «этнического» см.: *Чешко С.В.* Человек и этничность // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 1994. № 6. С. 35–49; *Козлов В.И.* Проблематика «этничности» // ЭО. 1995. № 4. С. 39–54; *Арутюнов С.А.* Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В.Чешко) // ЭО. 1995. № 5. С. 7–10; *Колтаков Е.М.* Этнос и этничность // Там же. С. 13–18; *Заринов И.Ю.* Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В.Чешко «Человек и этничность» // ЭО. 1997. № 3. С. 212–231; *Тишков В.А.* О феномене этничности // Там же. С. 3–20; *Винер Б.Е.* Этничность: в поисках парадигмы изучения // ЭО. 1998. № 4. С. 3–26; *Рыбаков С.Е.* Национализм и нации // ЭО. 1999. № 4. С. 3–17; *Он же:* О методологии исследований этнических феноменов // ЭО. 2000. № 5.

- С. 3–16; *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык (проблемы интеграции различных этнических теорий и концепций) // ЭО. 2000. № 2. С. 318 и др.
- ²⁴ См.: *Арутюнян Ю.В., Дробижска Л.М., Сукоколов А.А.* Этносоциология. М., 1999. С. 32–36.
- ²⁵ Мне, например, представляется неоправданно гипертрофированной значимость конструктивизма в исследовании проблемы этничности, наблюдающаяся в ряде работ известного этнолога В.А.Тишкова. См.: *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1996; упоминавшаяся статья «Феномен отличности» и некоторые другие. В печати встречается критика некоторых положений данного автора. См.: *Винер Б.Е.* Этничность: в поисках парадигмы изучения // ЭО. 1998. № 4. С. 21.
- ²⁶ *Султанов К.* Новый самообман. Пределы этноцентризма в полиэтничном обществе // Независ. газ. 1997. 22 июля.
- ²⁷ *Фрейд З.* «Я» и «Оно»: Труды разных лет: В 2 кн. Кн. 1. Тбилиси, 1991. С. 103.
- ²⁸ См. подробнее: *Колосов В.А., Трейвиш А.И.* Этнические ареалы современной России: сравнительный анализ риска национальных конфликтов // Полит. исслед. 1996. № 2. С. 47–55 и др.
- ²⁹ Автостереотипы – образы своего этноса, гетеростереотипы – образы других этнических групп и этносов. Исследования показывают, что этнические автостереотипы более позитивны, чем гетеростереотипы. См.: *Лебедева Н.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С. 21.
- ³⁰ «Внешним орудием абсолютной власти являются, – писал известный славянофил Д.А.Хомяков свыше ста лет назад, – так называемые чиновники» (*Хомяков Д.А.* Православие, самодержавие, народность. Монреаль, 1983. С. 117).
- ³¹ Известны слова Пушкина, что... «правительство единственный европеец в России» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1999. С. 701).
- ³² См.: История России. Народ и власть. СПб., 1997. С. 309–310.
- ³³ *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 169.
- ³⁴ См.: История России. С начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 216.

- ³⁵ См.: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 205–206.
- ³⁶ См.: *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 3. М., 1993. С. 253.
- ³⁷ Это еще не было подтверждением изменившегося коренным образом отношения крестьянских масс к царю, однако происходившие перемены в их настроениях способствовали радикальному переустройству государственной власти в начале XX в.
- ³⁸ *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия... М., 1991. С. 63.
- ³⁹ Известный политолог А.Янов одним из первых попытался выявить особенности режимов деспотии, абсолютизма и автократии, установливавшихся в историческом развитии России. См.: *Янов А.* Истоки автократии // Октябрь. 1991. № 8. С. 139–156.
- ⁴⁰ См.: *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 261; *он же:* Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 274–275.
- ⁴¹ См.: Россия // Энцикл. словарь /Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1912 (Переиздан: Лениздат, 1991). С. 75.
- ⁴² См.: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. С. 29.
- ⁴³ См.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 253.
- ⁴⁴ *Федотов Г.* Судьба нашей духовной культуры // Диалог. 1991. № 18. С. 39.
- ⁴⁵ См.: Россия // Энцикл. словарь. С. 83.
- ⁴⁶ См.: История России. С древнейших времен до конца XVII века. М., 1996. С. 361.
- ⁴⁷ См.: *Родоман Б.* География и судьба России // Знание – сила. 1993. № 3. С. 6–7.
- ⁴⁸ См.: Родина. 1994. № 3–4. С. 64.
- ⁴⁹ См.: Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994. С. 87.
- ⁵⁰ См.: *Ключевский В.О.* Русская история. Кн. 3. С. 368–375.
- ⁵¹ См.: *Родоман Б.* Указ. соч. С. 10–11.
- ⁵² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 522.
- ⁵³ См. подробнее: *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопр. истории. 1992. № 4–5. С. 37–56.
- ⁵⁴ *Ключевский В.О.* Русская история. Кн. 1. С. 279.
- ⁵⁵ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. С. 205.
- ⁵⁶ См.: *Янов А.* Истоки автократии. С. 147–148.

- ⁵⁷ См.: Эпоха Ельцина: очерки политической истории. М., 2001. В книге отмечается, что «победа и поражения Ельцина – чисто русские. Он выигрывал всякий раз, когда будил стихию или использовал ее. И терпел поражение, когда нужно было кропотливо и обдуманно работать. Какова Россия, таков и Ельцин – ее сын, лидер и жребий» (Цит. по: Независ. газ. 2001. 01. 02).
- ⁵⁸ Император Александр III, узнав от историка Я.Л.Барскова, что его прапрадедом вероятнее всего был один из любовников Екатерины II граф Салтыков, воскликнул: «Слава Тебе Господи, значит во мне есть хоть немного русской крови» (*Козлов В.Т.* Грани российской государственности // Серия история. № 2. М., 1992. С. 52, 56).
- ⁵⁹ Например, обязательность послеобеденного сна и для царя и для его подданных была освящена народным уважением, и подозрения о внецарском происхождении Лжедмитрия I (Самозванца) основывались на несоблюдении им этой русской традиции (См.: *Костомаров Н.И.* Русские нравы. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1995. С. 82). Другой автор напоминает о возмущении москвичей против Лжедмитрия, когда его жена Марина Мнишек нарушила русскую Православную традицию: после молитвы перед иконой Божьей Матери она приложила не к руке Богородицы, а к ее губам (См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992. С. 222).
- ⁶⁰ См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. С. 293–294.
- ⁶¹ См.: *Монтескье Ш.* О духе законов // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. М., 1970. С. 541–545.
- ⁶² См.: *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. С 356.
- ⁶³ См.: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. С. 35.
- ⁶⁴ См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. С. 258.
- ⁶⁵ *Щанов А.П.* Историко-географическое распределение русского народонаселения // *Щанов А.П.* Соч.: В 3 т. Т. 2. СПб., 1906. С. 233–234.
- ⁶⁶ См.: *Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер // *Вопр. философии.* 1995. № 6. С. 113.
- ⁶⁷ См.: *Щанов А.П.* Указ. соч. С. 394 (выделено мною. – В.С.).
- ⁶⁸ *Милов Л.В.* Указ. соч. С. 47.
- ⁶⁹ «...Можно констатировать, что нигде в мире переход к рыночной экономике не отбрасывал общество до столь низких отметок, не сопровождался отказом от столь значимых для них до-

стижений. Это касается прежде всего промышленного производства, сферы науки, образования, здравоохранения, уровня жизни населения» (*Беляева Л.А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997. С. 46).

⁷⁰ См.: Чечня: трагедия России. В поисках пути мирного регулирования конфликта в Чеченской республике. М., 1995.

⁷¹ См.: *Кавелин К.Д.* Взгляд на русскую сельскую общину // *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуре. М., 1989. С. 95–123.

⁷² См.: *Лебедева Н.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С. 45–57.

⁷³ См.: Кошелек и взгляды на жизнь. Что думают россияне о своем материальном положении и о том, отчего оно зависит // Независ. газ. 2006. 11 июня.

⁷⁴ О загадке «русской души» // Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994. С. 44–73.

⁷⁵ См.: Политическая культура: теория и национальные модели. М., 1994. С. 313–314. Известный журналист и писатель В. Овчинников, проживший не один год в Японии, принадлежность ее жителей к коллективистскому типу культуры характеризует так: «Про японцев можно сказать, что их больше, чем самостоятельность, радует чувство причастности – то самое чувство, которое испытывает человек, поющий в хоре или шагающий в строю... Японская мораль считает узы взаимной зависимости основой отношений между людьми. Индивидуализм же изображается ею холодным, сухим, бесчеловечным» (*Овчинников В.* Сакура и дуб. М., 2005. С. 102). Сходные взгляды типичны для значительной части российского населения. Вряд ли следует сомневаться в том, что одной из причин послевоенного «японского чуда» (Япония вторая, после США, индустриальная держава в мире, в ней самая высокая продолжительность жизни) стало сбережение, в эпоху стремительной модернизации, морально-нравственных устоев общества, его традиций. Да и в самой России, после «большевистской» революции 1917 г., катастрофических лет гражданской войны был осуществлен переход к новой экономической политике с ее упором на поощрение кооперативных форм хозяйствования; время 1921–1929 гг. было названо периодом «блестящего развития нового общества». «Никогда, – подчеркнули известные экономисты, – ни до ни после – советская экономика не развивалась так успешно, как

во времени НЭПа. К 1928 г. национальный доход на душу населения в сравнении с 1913 г. возрос на 10%... Впервые в истории была доказана принципиальная возможность успешного экономического прогресса общества, построенного на *коллективистских началах* и использующего в качестве основного метода и регулятора роста контролируемый государством механизм рыночной самонастройки» (*Шмелев Н., Попов В.* На переломе: перестройка экономики в СССР. М., 1989. С. 33, 22, 23) (курсив мой. — В.С.).

⁷⁶ См.: *Гумилев Л.Н.* Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 503; *Гуревич П.С.* Культурология: Учеб. пос. М., 1996. С. 241 и др.

⁷⁷ Одной из первых публикаций по этой проблеме см.: *Гуирова Э.Б.* Власть в этнокультурном аспекте. Президент Илюмжинов и его восприятие // Независ. газ. 1994. 9 июля.

⁷⁸ *Виндельбанд В.* Гельдерлин и его судьба // Лики культуры. Альманах. Т. 1. М., 1995. С. 254.

⁷⁹ Суть имперской национальной политики точно подметил известный русский философ В.В.Розанов: «Русские-общечеловеки». А когда дело дошло до Армении, — один министр иностранных дел (и недавний) сказал: «Нам (России) нужна Армения, а вовсе не нужно армян...». Но ведь это значит: «согнал бы и стер с лица земли армян, всех этих стариков и детей, гимназистов и гимназисток, если бы не было неприлично и не показалось бы некультурно» (*Розанов В.В.* Уединенное. М., 1990. С. 421).

⁸⁰ *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопр. истории. 1995. № 9. С. 141; см.: *Он же:* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопр. истории. 1996. № 11–12.

⁸¹ Вся оглушительная критика марксизма в реформационные годы по социально-экономическим и политическим проблемам развития России стыдливо обходила молчанием чеканные формулировки классиков по национальному вопросу, бывшие непререкаемо-авторитетными для всей властвующей советской элиты: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы» (*Маркс К. и Энгельс.* Соч. Т. 18. С. 509); «...добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами» ((*Маркс К. и Энгельс.* Соч. Т. 16. С. 11); «...ничто так не задерживает развития и упроченности... солидарности, как националь-

- ная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки...» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360).
- ⁸² Достаточно напомнить 123 статью «Сталинской» Конституции 1936 г. и статьи 35 и 64 «Брежневской» Конституции 1977 г.
- ⁸³ *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. С. 262.
- ⁸⁴ Подробнее см.: *Нестеров Ф.* Связь времен. Опыт исторической публицистики. М., 1980. С. 87–118. Недопустимо, конечно, чрезмерно идиллическое изображение отношений всех русских с этническими аборигенами на присоединяемых или захватываемых землях. Были и кровь, и жестокость, и свои доморощенные кортесы и писарро, особенно в период 50-летней кавказской войны XIX в. и недавней античеченской кампании. Но не они определяли главный вектор устанавливающегося позитивного характера взаимодействия русского этноса с нерусскими, правда, зависящего в значительной степени и от политико-психологической ориентированности субъектов государственного владения и транслируемых их предпочтений в национальном вопросе средств массовой информации. И надо было проявлять слишком большую беззаботность и индифферентность, чтобы выбрасываемые небольшими экстремистскими группками в середине 90-х гг. лозунги «Россия для русских!» через десять лет, как показывают опросы, приобрели достаточно массовый характер. В последние 2–3 года увеличилось количество нападений и убийств на расовой и этнической почве, а выраженные «лицо кавказской национальности» стало рутинным штампом в устах силового и гражданского чиновничества.
- ⁸⁵ Культурная политика России. История и современность. Страсбург, 1996.
- ⁸⁶ См.: *Арнольдov А.И.* Введение в культурологию. М., 1993. С. 251–258.
- ⁸⁷ *Фолкнер У.* Рассказы. Медведь. Осквернение праха. М., 1986. С. 7.
- ⁸⁸ См., например, для сравнения: *Шевцова Л., Клямкин И.* Эта всеильная бессильная власть. Выборная монархия в России и ее политическая перспектива // Независ. газ. 1998. 24 июня; *Кистяковский Б.А.* В защиту права // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 126–127 и др.
- ⁸⁹ *Чернуха В.Г.* Александр III // Вопр. истории. 1992. № 11–12. С. 62.
- ⁹⁰ *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. С. 72.
- ⁹¹ См.: *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 112.

- 92 См.: *Ильин А.И.* О монархии // *Вопр. философии.* 1991. № 4. С. 127.
- 93 См.: *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 169–170 и др.
- 94 См.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. С. 147–155; *Дворниченко А.Ю.* Древнерусская демократия и Литовско-русское государство // *История России: Народ и власть.* СПб., 1997. С. 133–166 и др.
- 95 См. например: *Туманов Б.* Царь-царевич, король, королевич, сапожник, портной? // *Новое время.* 1997. № 47. С. 12.
- 96 Политическая культура: теория и национальные модели. М., 1994. С. 318.
- 97 См. подробнее: *Афанасьев М.Н.* Клиентела в России вчера и сегодня // *Полис.* 1994. № 1.
- 98 См.: *Чернышевский Н.Г.* Суеверие и правила логики // *Чернышевский Н.Г.* Избр. филос. соч. Т. 2. М., 1950. С. 670.
- 99 См.: *Шевцова Л.* Опять на распутье. Ельцин и Россия к концу 1997 года // *Независ. газ.* 1997. 23 дек.
- 100 См.: *Илларионов А.* Цена социализма. Столетие социалистической политики превратило российского великана в экономического кролика // *Независ. газ.* 1999. 13 апр.
- 101 См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 183.
- 102 Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993. С. 10; см. подробнее: *Васильев Л.С.* История Востока: В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 57–82.
- 103 См.: *Ключевский В.О.* Русская история. Кн. 2. С. 355–377.
- 104 См.: Там же. С. 358–360.
- 105 См.: *Капустин М.* Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990. С. 285–304.
- 106 См.: *Алексеев С.* Мы приверженцы права. Но – нашенского, византийского // *Общая газ.* 1999. № 51.
- 107 *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 7.
- 108 См.: *Федотов Г.* Судьба нашей духовной культуры // *Диалог.* 1991. № 18. С. 39–40.
- 109 См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. С. 296.
- 110 «Правление Анны, – писал известный историк С.Ф.Платонов, – печальная эпоха русской жизни XVIII в., время временщиков, чуждых России. Находясь под влиянием своих любимцев, Анна не оставила по себе доброй памяти ни государственной деятельностью, ни личной жизнью. Первая сводилась к удовлетворению эгоистических стремлений нескольких лиц, вторая отмечена странностями, рядом расточительных празд-

- неств, грубыми нравами при дворе...» (*Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 553). К сожалению, безупречная личная жизнь Президента Ельцина была подпорчена назначением своей дочери Татьяны «Министром по имиджу». — *В.С.*
- ¹¹¹ См.: *Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 429–436.
- ¹¹² См., например: *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. С. 291 и другие его работы.
- ¹¹³ См.: *Общая газ.* 2001. № 15.
- ¹¹⁴ В 2005–2006 гг., в результате референдумов произошло объединение Камчатской обл. с Корякским авт. округом в Камчатский край; Пермской обл. с Коми-Пермяцким авт. округом в Пермский край; Красноярский край с Эвенкийским авт. округом и Таймырским Долгано-Ненецким авт. округом в Красноярский край, Иркутской обл. и Усть-Ордынского Бурятского авт. округа.
- ¹¹⁵ Например, опрос общественного мнения, проведенный в середине 2003 г. Агентством региональных политических исследований, показал, что 64% населения считает, что в будущем Россию ждет «укрепление мощи страны и ее экономики» (Новое время. 2003. № 23. С. 15).
- ¹¹⁶ О недопустимости стремления превратить оппозицию в политического изгоя Президент Путин напомнил депутатам доминирующей в Государственной Думе фракции «Единая Россия» (так называемой «партии власти») на встрече 1.07.2006 г.: «Только в споре, — отмечал он, — только в дискуссии можно найти оптимальный путь развития государства, страны и экономики» (Новые известия. 2006. 3 июля).
- ¹¹⁷ *Иванченко А., Рыжков В., Салмин А.* Вперед в прошлое, или назад в будущее? В каком государстве жить нашему обществу // *Независ. газ.* 2001. 01.18.
- ¹¹⁸ См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. С. 291; *Он же:* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 152; *Он же:* Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 295–298 и др.
- ¹¹⁹ Краткое изложение теории Л.Гумилева см.: *Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Этнология. М., 2000. С. 147–152.
- ¹²⁰ Разительность происходивших в этот период жизни перемен, жестокость, иррациональность поведения толпы поражало всех участников исторических событий. Например, фаза этнического надлома в V–IV вв. до н.э. в Древней Греции ознаменовалась

кровавыми гражданскими войнами, кризисом греческого полиса в целом. Пелопонесская война (434–404 гг. до н.э.) «стала величайшим потрясением для эллинов» (Фукидид), в которой воевали жители не только различных городов-полисов, но и в пределах одних городских стен они истребляли друг друга с жестокостью, неизвестной ранее: «...Отец убивал сына, молящих о защите отрывали от алтарей и убивали тут же»... Война деформировала все отрасли общественного производства, разлагала гражданские сообщества, обострила все социально-противоречия. См.: История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 266–272.

В странах Западной Европы фаза этнического надлома, начавшаяся с XV века и продолжавшаяся до XVIII, у разных народов происходила не одновременно, с разной степенью интенсивности (есть различия между северными странами и Центральной и Южной Европой), но идентична по социально-экономическим и политическим потрясениям. Весь период наполнен народными восстаниями, межсословной и межрелигиозной резней, войнами с соседями и т.п. Так гражданская война между движениями таборитов и чашечников в Чехии (с одновременными непрерывными войнами с немцами и поляками) за 200 лет (1420–1620 гг.) сократили население страны с 3 млн до 800 тыс. человек. См.: *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М., 1994. С. 244.

Нарастающие кризисные явления в Германии начала XVI в. внесли глубокие изменения в массовое сознание: чувствами страха и тревоги воспользовались многочисленные астрологи и предсказатели близкого конца света. В фазе надлома и могли появиться М.Лютер со своими революционными тезисами против господства католического панства (1518 г.), с которых и началась эпоха Реформации, и идеолог Крестьянской войны (1524–1525 гг.) Т.Мюнцер со своими радикальными настроениями и действиями, характерными для потрясавших общественные устои гражданскими войнами (направшивается аналогия с Плехановым и Лениным в России. — *В.С.*). См.: *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // *К.Маркс и Ф.Энгельс.* Соч. Т. 7. С. 343–437; История Европы. Т. 3. От Средневековья к Новому времени. М., 1993. С. 275–279 и др. Глубокие социально-политические, экономические, религиозные потрясения происходили и в других странах: кризис системы абсолютизма XVII в. в

Англии, гражданские войны (1642–1648 гг.) и борьба на взаимоничтожение королевской власти и парламента; социальные и религиозные (гугеноты и протестанты) войны во Франции в XVI в. и т.д.

¹²¹ См.: *Сахаров А.Н.* О новых подходах к истории России // *Вопр. истории.* 2002. № 8. С. 13.

¹²² См. подробнее: *Россия в XX веке: историки мира спорят.* М., 1994; *Россия в XX веке: судьбы исторической науки.* М., 1996 и др.

¹²³ См. подробнее: *Будилова Е.А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983. С. 161–171.

¹²⁴ *Гумилев Л.Н.* Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 295. Ученый был не первым, кто обратил внимание на существование определенных границ в исторической жизни народов, специфики их различных возрастных ступеней. Об этих феноменах писали и зарубежные, и отечественные мыслители. Например, историк С.Соловьев выделил два периода «в народной жизни»: время юности народа, его творческой энергии, т.е. «возраст сильных и страстных движений», свершения подвигов, сильной любви и сильной ненависти, создания государства и конституции, – это время господства чувства. В процессе развития наступает вторая половина народной жизни: «господство чувства» уступает место «господству мысли», процветанию науки и просвещения, критического отношения к существующему, к своей жизни и рост интереса к чужой и т.д. См.: *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 421–424.

Русский философ Н.Данилевский в рамках своей теории культурно-исторических типов отмечал, что народы, как и все другие живые организмы, «порождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют, умирают – и умирают не от внешних только причин». [К примеру, от Китая, создавшего за тысячелетия уникальную цивилизацию, «дух жизни» отлетал и страна «замирает под тяжестью веков. И каждому народу, «одряхлевшему, отжившему», пора уходить со сцены», где бы он ни жил – на Востоке или на Западе (*Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 72–74); К.Леонтьев определял возрастной ценз народно-государственной жизни в 1200 лет, завершающихся естественным разложением и распадом (См.: *Леонтьев К.* Избранное. М., 1993. С. 23, 24, 80).

Из зарубежных мыслителей отметим О.Шпенглера (помимо Дж.Вико, И.Гердера, Гегеля, А.Тойнби и др.) с его знаменитой работой «Закат Европы». Мотив кассандровской обреченности звучит из уст мыслителя, опиравшегося на достижения археологии, этнографии, истории, сравнительного языкознания и др. Автор оригинального метода морфологического анализа культуры народов делает вывод: «...Каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждого есть свое детство, своя юность, своя возмужалость и старость» (*Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. М., 1993. С. 265*).

- ¹²⁵ Греческое слово «акме» означает высшую степень чего-либо, вершину, цветущую силу.
- ¹²⁶ См. подробнее: *Мельгунов С.П. Красный террор. 1918–1923. М., 1990*.
- ¹²⁷ Приведу слова известного в свое время князя В.Мещерского (одного из советников Александра III), высказанные в издававшемся им журнале «Гражданин» в 1914 г.: «Наша атмосфера жизни душит нас: куда ни пойдешь, везде шепот, заговоры, везде пахнет жаждой крови, везде вонь доносов, везде ненависть, везде ропот, везде стоны».
- ¹²⁸ См.: *Кара-Мурза А. Как возможна Россия. М., 1999*; Куда идет Россия. Материалы международного симпозиума Интерцентра «Куда идет Россия?». Ежегодные выпуски. М., 1994–2002.
- ¹²⁹ См.: *Гумилев Л. Черная легенда. С. 298, 295*.
- ¹³⁰ *Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., 2001. С. 49*.
- ¹³¹ *Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 181*.
- ¹³² *Балашов Д. Память учителя // Наш современник. 1993. № 8. С. 197*.
- ¹³³ См.: Россия времен «избыточной смертности» // *Новая газ. 2002. № 46*.
- ¹³⁴ Экономический рост не мешает вымиранию России // *Версия. 2004. № 4*.
- ¹³⁵ См. подробнее: *Морозов А. Самоубийственна действительность. Эпидемия суицидов сопровождает все российские реформы // Независ. газ. 2002. 10 апр*.
- ¹³⁶ В 2003–2005 гг. в результате ДТП погибало ежегодно свыше 30 тыс. человек и ранено более 600 тыс., треть которых остаются инвалидами.
- ¹³⁷ Вся Россия «соображает на двоих» // *Общая газ. 2001. № 31*.

- ¹³⁸ Если в 1991 г. на 100 тыс. населения число инфицированных туберкулезом составляло 34 человека, то в 2000 г. — 90,7 чел. на 100 тыс., т.е. заболеваемость выросла более чем в 2,5 раза // Российская газ. 2006. 24 марта.
- ¹³⁹ *Глубоковская Э.* Формула будущего России // Независ. газ. 1999. 22 окт.
- ¹⁴⁰ См. подробнее: *Васильев Л.С.* История Востока: В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 272–281.
- ¹⁴¹ Одной из наиболее интересных работ по этой проблеме является книга *Чешко С.В.* «Распад Советского Союза. Этнополитический анализ» (М., 1996). Я не могу согласиться с общим выводом автора: главная роль в развале СССР принадлежит альянсу «российских радикалов и националистов в других республиках». При наличии общей этноисторической усталости и отсутствии пассионарной страсти к единству (показателен пример не реализующегося до сих пор с 1996 г. единого «союзного государства Россия — Белоруссия») и смог одержать победу сепаратизм. С.Чешко или не знаком, или сознательно игнорировал теорию этногенеза своего коллеги — этнолога и историка Л.Гумилева. См. также: *Кравченко С.* Кривая империя. СПб., 2002; *Веллер М.* Великий последний шанс. М., 2006; *Гайдар Е.* Гибель империи... М., 2006 и др.
- ¹⁴² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 19. С. 121.
- ¹⁴³ Анализ подобных точек зрения см.: *Поляков Л.* Путь России в современности: модернизация как деархаизация. М., 1996. С. 25–27, 153–183.
- ¹⁴⁴ Подробнее о признаках «догоняющей модернизации» см.: *Федотова В.Г.* Модернизация другой Европы. М., 1997. С. 50–62.
- ¹⁴⁵ *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. С. 299.
- ¹⁴⁶ В докладе Аналитического центра Deutsche Bank «Медленный медведь» (июнь 2003 г.) обосновывалось предположение, что рост российской экономики в ближайшие 10 лет составит 2–3% в год (для удвоения ВВП требуется рост экономики на 7–7,5% в год). Это связано, указывается в докладе, с сохраняющейся системой крупномасштабных дотаций в неэффективные отрасли экономики, невозможностью ускоренной диверсификации экономики и зависимостью ее от колебания мировых цен на нефть и газ.

- ¹⁴⁷ «...Политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы»... (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 16–17).
- ¹⁴⁸ Российская газ. 1994. 1 нояб.
- ¹⁴⁹ О депопуляции русского народа (нации) см.: *Бернштам М.* Сколько жить русскому народу. Размышления американского демографа // Москва. 1990. № 5; *Козлов В.И.* Угроза вымирания русских // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М., 1995. С. 72–78 и др.
- ¹⁵⁰ См.: Российская газ. 2006. 11 мая.
- ¹⁵¹ См.: Новые известия. 2006. 1 июня.
- ¹⁵² См.: *Переведенцев В.* Судьбы и цифры // Новое время. 2003. № 29.
- ¹⁵³ Л.Гумилев, ссылаясь на римского императора Августа (I в. до н.э. – I в. н.э.), называет подобный тип людей «золотой посредственностью».
- ¹⁵⁴ См. подробнее: *Лоренц К.* Агрессия (так называемое Зло) // *Вопр. философии.* 1992. № 3. С. 5–38; *Он же:* Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.
- ¹⁵⁵ См. подробнее: *Малахов В.* Скромное обаяние расизма и другие статьи. М., 2001.
- ¹⁵⁶ См.: Моск. правда. 2004. 2 апр.
- ¹⁵⁷ См.: Известия. 2004. 31 марта.
- ¹⁵⁸ *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 86.

Оглавление

Вступление	3
1. Власть как компонент этнической системы	8
2. Власть в российском этноландшафтном пространстве	28
3. Российская власть в этнокультурном и этнопсихологическом контексте	41
4. Смена фазы этногенеза и власть: в ожидании перемен	65
Заключение	90

Научное издание

Семенов Виталий Меркурьевич

Власть в этноисторическом пространстве России

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *В.К. Кузнецов*

Технический редактор *А.В. Сафонова*

Корректор *Т.М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 26.10.06.

Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 3,68. Уч.-изд. л. 4,49. Тираж 500 экз. Заказ № 030.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119992, Москва, Волхонка, 14

Издания 2005 года

- 1. Аристотель. Евдемова этика /РАН. Ин-т философии; Изд. подгот. М.А.Солопова. — М., 2005. — 448 с.**
Настоящее издание впервые представляет перевод «Евдемовой этики» на русский язык, греческий текст и комментарии. Текст этики публикуется вместе с тремя обычно опускаемыми в издательской практике т.н. «средними книгами», общими для «Евдемовой» и «Никомаховой» этик.
- 2. Бескова И.А. Природа сновидений: (эпистемологический анализ) /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 239 с.**
В книге прослеживаются особенности отношения к сновидениям, сложившиеся в разные исторические эпохи в разных сообществах, включая традиционные примитивные культуры.
- 3. Диалог цивилизаций. Повестка дня /РАН. Ин-т философии; Горбачев-Фонд; Сост. и общ. ред. В.И.Толстых. — М., 2005. — 145 с.**
Предлагаемая читателю книга «Диалог цивилизаций. Повестка дня» подводит итоги совместного исследования Института философии РАН и Горбачев-Фонда и является своего рода российским откликом на тему и проблему общемирового уровня и значения.
- 4. Кацапова И.А. Философия права П.И. Новгородцева /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 188 с. — ISBN 5-9540-0028-X.**
Монография посвящена творчеству одного из видных русских теоретиков права к. XIX — н. XX вв. Павлу Ивановичу Новгородцеву.
- 5. Коллаж—5 /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.Сырдычева. — М., 2005. — 145 с.**
Пятый выпуск серии «Коллаж» посвящен феномену *другого*, снова и снова напоминающему о себе на повседневном уровне в виде вопросов и проблем политического, исторического и культурного, межличностного характера.
- 6. Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.П. Огурцов; Изд. подгот. В.М. Яковлев. — М., 2005. — 404 с.**
Инициатором обращения к древней китайской мысли в ново-европейской философии был Лейбниц. Об этом свидетельствует публикуемая переписка Лейбница с христианскими миссионерами в Китае.
- 7. Меркулов И.П. Когнитивные способности /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 182 с.**
В книге с позиций эволюционно-информационной эпистемологии исследуются общие характеристики человеческого познания и когнитивные способности — восприятие, мышление, сознание и память.
- 8. Методология науки: статус и программы /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: А.П.Огурцов, В.М.Розин. — М., 2005. — 295 с.**
Сборник — результат работы семинара Центра методологии и этики науки в 2002–2004 гг. В нем продолжается изучение различных программ

и проблем философии науки, которое начато в сборнике «Методология науки: проблемы и история» (М., ИФ РАН, 2003). В приложении, завершающем сборник, печатаются перевод фрагментов из трактата Иоанна Солсберийского «Металогик». Сборник представляет интерес для историков науки, философов, для всех интересующихся методологическими проблемами научного знания.

9. **Мочкин А.Н. Фридрих Ницше: (интеллектуальная биография) /РАН. Ин-т философии.** — М., 2005. — 246 с.

Монография является опытом комплексного анализа философии Ф.Ницше. Философия немецкого мыслителя рассматривается как «авансцена», за которой скрыты сложные мотивы, сочетающие в себе личностные и патографические характеристики.

10. **Наука и искусство /РАН. Ин-т философии; Общ. ред. А.Н.Павленко.** — М., 2005. — 206 с.

Предлагаемый вниманию читателя сборник включает работы, посвященные анализу взаимоотношения науки и искусства в творчестве Николая Орема, Князя Вл.Ф.Одоевского, Велимира Хлебникова, Вернера Гейзенберга, В.С.Библера и Ж.Делеза.

11. **Противоречие и дискурс /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Герасимова.** — М., 2005. — 184 с.

Проблема противоречия представлена во множестве аспектов: методологическом, когнитивном, лингвистическом.

В очерке предпринят анализ работ теоретика контркультуры Т.Розака, его философско-интуитивистские, антитех-нистские и антитехнократические идеи, идеи «экологического персонализма», как и религиозно-мистические мотивы, присущие контркультуре.

17. **Сухов А.Д. Материалистическая традиция в русской философии /РАН. Ин-т философии.** — М., 2005. — 260 с.

В книге показано, что материализм, как особое направление в русской философии, имеет собственную историю.

18. **Федорова М.М. Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций /РАН. Ин-т философии.** — М., 2005. — 190 с.

В монографии анализируются три главные просвещенческие идеи, представляющие особое значение для развития политической философии: Индивид, Разум, Прогресс — и их трансформации в политической мысли Франции XIX в.

19. **Форум молодых кантоведов (По материалам Междунар. конгр., посвящ. 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти И.Канта) /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: Т.Б. Длугач, В.А. Жучков.** — М., 2005. — 208 с.

В книгу вошли тексты докладов и сообщений молодых ученых из различных вузов Москвы и других городов России, которые были сделаны на Международном юбилейном Кантовском конгрессе в Москве, в Институте философии РАН (24–28 мая 2004 г.).